

АНКЛАВЫ ВАДИМА ПАНОВА

ИПОСТАСЬ

ВИТАЛИЙ АБОЯН

Анклавы

Виталий Абоян

Ипостась

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2012

Абоян В. Э.

Ипостась / В. Э. Абоян — «Эксмо», «Панов Вадим»,
2012 — (Анклавы)

ISBN 978-5-699-55928-2

Прошло два года со Дня Станции, когда высокоэнергетическое Копье пронзило Землю насквозь, вызвав глобальную Катастрофу. Бывший мичман ВМФ России Василий Окоёмов оказался в Мандалае – неофициальной столице Мьянмы. Ничего, кроме нищеты и грязной работы, не ждало русского моряка в этом тропическом аду. И только щепотка «волшебного порошка», наркотика, изменяющего сознание, скрашивала серые будни. Но вскоре доза его стремительно подорожала, и Василию пришлось пойти в наемники. Он и не подозревал, что вступил в группу охотников за уникальным процессором, сулившим его обладателю безграничную власть...

ISBN 978-5-699-55928-2

© Абоян В. Э., 2012
© Эксмо, 2012
© Панов Вадим, 2012

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	16
Глава 3	21
Глава 4	25
Глава 5	30
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	48
Глава 10	50
Глава 11	52
Глава 12	57
Глава 13	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виталий Абоян, Вадим Панов

Ипостась

Мысль – это мысль о мысли.
Джеймс Джойс. Улисс

Пролог

– Зачем ты это включаешь?!

Голос дребезжал, словно разболтанная мембрана старинного динамика, выражая не то недовольство, не то непонимание. По тембру можно было догадаться, что голос принадлежит древнему брюзжащему старику, который одной ногой прочно обосновался на том свете, а другой, едва имеющей силы стоять на этом, привык топтать все и вся вокруг себя.

– Отстань, – второй голос звучал моложе, ровно, не выражая эмоций. Хозяин этого спокойного тенора явно плевать хотел на то, что думает старик. Просто обладатель дребезжащего динамика мешал, а выгнать его, похоже, не получалось. – Возможно, это последний шанс. Даже – наверняка. Китайцы не настолько глупы, чтобы включить электричество в наших краях во второй раз. Это какой-то сбой, его устранят. И ты это знаешь.

– Но не хочешь же ты на самом деле...

– Хочу.

Вполне можно было ожидать резкого восклицания, крика. Но нет – обладатель почти оперного тенора продолжал говорить спокойно. Он ничего не доказывал, он даже не вел беседу. Лишь констатировал факты.

– Ты вообще представляешь себе...

– Нет, – признался тенор. – Не представляю.

– Это же будет...

– Я же сказал, я не знаю, что из этого выйдет. Но не можем же мы сгноить это в наших трущобах.

– И то правда, – согласился третий участник разговора, обладатель проникновенного баса, немного с хрипотцой, молчавший до сих пор. – Сгноить не можем. Но и выпустить на свободу – тоже.

Звуки разговора доносились из ветхой хижины, сколоченной из подгнивших за долгие годы, проведенные во влажном климате, досок. Сквозь щели, которыми строение изобиловало, в туман, клубившийся снаружи, пробивались слабые лучики света явно искусственного происхождения. Лучики подрагивали и то и дело гасли, а если смотреть на общую тень, размазанным пятном раскинувшуюся в густой траве по соседству, вполне можно было догадаться, что внутри кто-то активно жестикулирует, скорее даже, размахивает руками. По активности движений дергающейся тени похоже было на то, что в хижине на самом деле довольно большая компания.

– Прекрати, – ворчал сварливый старик.

– Отстань, – спокойно отвечал ему обладатель тенора.

– Что ты его слушаешь, этого остолопа, давно пора дать ему по мозгам! – взвизгнул кто-то новый. Этот явно был на стороне старика.

– Пора, но ты же сам понимаешь...

– Н-да, – согласился визгливый.

Если кто-то что-то и понимал в этом разговоре, то явно не случайный прохожий, услышавший перебранку снаружи. Возможно, компания, собравшаяся внутри сарайчика, знала, о чем ведет речь. Но даже в этом уверенности не было.

А потом хижина содрогнулась, словно веселая братия, уже второй час ведущая спор, принялась в унисон отплясывать джигу. Внутри что-то двигалось и гремело, свет то вспыхивал ярче, то гас на пару секунд. Так продолжалось несколько часов.

Но ругань, доносившаяся оттуда, не прекращалась ни на минуту. Участников спора как будто становилось больше. Теперь никто уже не слушал их крики – стояла глубокая ночь и рядом с хижинкой не было видно даже животных, но невольный слушатель, окажись он здесь, вряд ли смог бы сосчитать, сколько человек вело беседу внутри.

Закончилась вакханалия в одночасье. Электрический свет погас, грохот мгновенно стих, а спорщики замолкли, словно усталость взяла свое и все они разом уснули. На самом деле последнее предположение было не так уж далеко от истины.

Дверь сарайчика открылась только к вечеру, когда солнце уже коснулось горизонта и очередная порция еженощного тумана медленно собиралась в зарослях джунглей, начинавшихся почти рядом.

– Не думал, что ты такой дурак, – посетовал обладатель дребезжащего динамика.

– О моем уме поговорим позже, – отозвался тенор, – когда все проверим.

– Я по проверке и говорю.

Ответа не последовало, только визгливый выкрикнул:

– Нужно бы порошка нюхнуть!

– Обойдешься, – ответил тенор, а дребезжащий динамик только прокряхтел что-то нечленораздельное.

В этой компании явно верховодил тенор, но его недолюбливали и, судя по всему, совсем не уважали. Но почему-то никто не решался взять бразды правления в свои руки.

...Сквозь влажные и норовящие садануть по физиономии листья пришлось пробираться довольно долго. Годы уже не те, как посетовал дребезжащий динамик.

Возня снаружи не заняла много времени, закамуфлированная под поросший мхом валун дверь открылась легко: что-то не так было с ее замком, возможно, просто проржавел. Внутри пришлось сложнее – огонь зажигать не стали, хоть и темно – ни зги не видно. Однако шли тихо, ничего не трогая. Здесь нельзя трогать, только один раз, вон там. Это место они давно заприметили, только дребезжащий динамик не хотел идти, да и визгливый не особенно выражал желание. Но все же интересно было всем.

– Боишься? – спросил тенор. Непонятно у кого, возможно, у всех разом.

– А сам-то? – саркастически заметил визгливый.

– Боюсь, – честно признался тенор.

– Так не втыкай, – посоветовал дребезжащий динамик. Теперь старик говорил совершенно спокойно, чувствовалось, что сделать то, что они собирались, ему тоже хотелось.

– Воткни ты, – предложил тенор.

– А порошок?

– Хорошо, – согласился тенор и шумно потянул носом.

– Во-о-от! – прокряхтел дребезжащий динамик. – Совсем другое дело.

Его рука опустилась и воткнула что-то маленькое в железный ящик, лежащий перед ним. Включился какой-то прибор, на небольшом экранчике дуплетного коммуникатора высветились не очень-то понятные цифры.

Они бежали так, словно за ними гнался голодный тигр. Хотя, наверное, еще быстрее. Никто не препирался, все были согласны – надо бежать.

– Ты что такое сотворил-то? – задыхаясь, спросил обладатель баса.

– Не знает он! – крикнул визгливый.

Старик промолчал, наверное, ему было трудно говорить на бегу. А тенор ответил коротко:

– Чудо.

Глава 1

Ярко-зеленый лист какой-то тропической дряни вздрогнул, изогнулся горбом и резко, словно рычаг катапульты, вернулся на исходную позицию. На землю с глухим стуком упала крупная прозрачная капля. Дождь. Упала одна капля – жди потопа. Здесь это правило.

Окоёмов вздохнул и поднялся, опираясь на приклад автомата. Лучше укрыться под тентом, который они натянули между деревьями, иначе вымокнешь. Здесь не дожди, здесь какие-то небесные водопады. Хотя и от тента толку немного. Окоёмову казалось, что за последнюю неделю он вымок не то что до нитки – до самых костей.

Прохладная капля стрелой вонзилась между лопаток, вероломно проникнув за оттопырившийся на секунду воротник. Второй выстрел – в глаз. Теперь макушка, ухо... Все, небесный снайпер заканчивает тонкую работу, спустя секунду-другую в бой вступит небесная артиллерия. Вот он, тент, всего десять шагов.

А, черт! Везде листья, везде корни. Первые норовят съездить по физиономии, вторые – выскакивают из-под земли в самый неподходящий момент. Вот как сейчас. Еще и колено ушиб. Все, не успел.

С неба, активно барабана по листьям верхнего яруса джунглей, на грешную землю рухнул поток. Прорвало.

Одежда промокла мгновенно, словно в бассейн попал. Собственно, она и не была сухой – здесь ничего не высыхало, а только переходило из состояния «совершенно мокрое» в «противно сырое». И постоянно стояла жара. Душная, влажная печка с сорокаградусным нагревом. Если бы не шел дождь, одежда все равно была бы мокрой, только изнутри. Но амбре забродившего пота – обычный спутник всех военных операций – особенно не беспокоило: благодаря проливным дождям, срывающимся с неба с систематичностью городского автобуса, «принимали душ» регулярно.

– Давай, четырнадцатый, тут еще местечко осталось, – из-под крыши шалаша, размытая за плотным потоком водяных струй, довольно ухмылялась черная физиономия восьмого. – Ты, четырнадцатый, как я погляжу, любишь водичку с неба.

Из-за спины восьмого послышался приглушенный смех остальных бойцов.

– Да пошел ты, – беззлобно ответил Окоёмов, хватаясь за протянутую черную руку. – Ничего ты не понимаешь в гигиене. К тебе форма, поди, приросла уже.

Внутри небольшого укрытия было влажно и душно. От камуфляжа бойцов к потолку, с которого активно капала конденсирующаяся влага, поднимался пар.

– Здесь у вас душ не хуже, чем снаружи, – усмехнулся Окоёмов, показав глазами на срывающиеся с потолка капли.

– Здесь у нас лучше, чем снаружи. Вода дистиллированная. Вторичная переработка – бережем, мать ее, природу!

Бойцы сидели, опершись спинами на прогибающиеся покатые стены. Оружие каждый держал при себе – неизвестно, когда оно может понадобится. Да и не доверяли бойцы друг другу, что уж там греха таить.

Автоматы – индийские «Патанги-28МА», безбожно устаревшие, но в отличном состоянии – им выдали еще в Мемьо, куда привезли уже укомплектованную бригаду из Мандалая. Все восемнадцать бойцов были наемниками. Люди из разных стран, разных национальностей, принадлежащие к разным Традициям. Здесь всем наплевать, откуда ты родом и с помощью каких причиндалов предпочитаешь общаться с богами. Здесь все собрались, чтобы заработать на жизнь, если возможность пожить еще представится. Здесь всех собрали, чтобы помочь условному союзнику нанести урон условному противнику. Только никто не знал – кто союзник, а кто противник. Будь он хоть тысячу раз условным.

Никаких боевых действий, только разведка. Причем в роли разведчиков выступали совсем не бойцы, а группа каких-то хмырей, нагрузившая наемников ящиками с оборудованием. Что за оборудование лежало в тяжелых угловатых контейнерах, которые бойцам приходилось тащить на собственных спинах вот уже вторую неделю, было не ясно. Пока что ни один контейнер не вскрыли, а хмыри все больше рассматривали окрестности, корча недовольные рожи. Что-то им здесь не нравилось.

Вот этих хмырей они вроде как и должны защищать. И беречь от чужих глаз. Что, если называть вещи своими именами, означало: ликвидировать любого, некстати оказавшегося на пути их странной команды. Но охотников поинтересоваться, за каким хреном они приплелись в эту глушь, в непроходимых джунглях пока не встретилось. Встречались только тучи оголодавших москитов и змей всех возможных видов и намерений – четвертый остался жив, спасибо лейтенанту, но ногу приволакивал.

Учитывая, что оружие всем раздали индийское, Окоёмов был почти уверен, что таинственными организаторами тура во влажный тропический лес дивного государства Мьянма являются китайцы. Или европейцы, но с меньшей вероятностью – в Европе предпочитали боевое снаряжение, производимое корпорациями.

Всего наемников было восемнадцать. У каждого свой номер и никаких имен. Семнадцать бойцов.

Восемнадцатой была метелка. Симпатичная, но странная и нелюдимая.

Полтора месяца назад Окоёмов скитался по улицам Мандалая – большого грязного города. Мандалай де-юре не был столицей Союза Мьянма, но являлся ею де-факто. Все деньги нищего государства, практически весь бизнес (если так можно назвать тот кавардак, что творился в Мьянме и до Катастрофы, а после лишь умножился многократно), представительства корпораций (большой частью – неофициальные) – весь цвет сегодняшней жизни Мьянмы концентрировался здесь.

Впрочем, это если смотреть глубоко. Если просто выйти на улицы Мандалая, то не ошибетесь, решив, что это город нищих, бомжей, воров и убийц всех мастей. В здешнем, прогретом тропическим солнцем гадюшнике, вполне возможно, обосновался один из кругов ада. Деньги всегда привлекают всяческий сброд, а в Мандалае деньги, по мьянманским понятиям, водились большие.

Окоёмов жил в этой забытой богами стране второй год. С самого дня Катастрофы. Первые несколько недель пребывания здесь вспоминать не хотелось.

А ты не так много и можешь вспомнить.

Хотя, скорее всего, в тот злополучный день подобный ад начался везде. Даже самые благополучные регионы Катастрофа не обошла стороной. Чертям в аду все равно, кого жарить на своем вечном огне – сытого баварского бюргера или нищего мьянманского крестьянина.

Вспоминать не хотелось, но страшные обрывочные воспоминания упорно продолжали преследовать. Василий Окоёмов служил мичманом на российском крейсере «Иван Грозный», который держал путь в Джакарту на какой-то военный праздник. Для руководства это был повод потрясти оружием и напомнить о себе – не стоит упоминать, что боевая и электронная начинка «Грозного» в сравнении с технологиями, которыми торговали корпорации, устарела еще до того, как корабль сошел со стапелей. Для команды вояж в Индонезию был хорошей возможностью просто отдохнуть и насладиться теплом тропического океана.

Океан теперь начинался почти у самого Мандалая, проглотив единым махом и Рангун, и Пегу, и Моламьяйн. С тем, что не смог уничтожить океан, справились несколько мощных землетрясений, обрушивших треть территории Мьянмы в еще неизведанные пучины планеты.

Где сейчас находился крейсер федеральных военно-морских сил «Иван Грозный», Окоёмов не мог даже предположить. Где-то там, где раньше было побережье.

Бывший мичман не находил себе места в этом тропическом краю, в Мандалае. Да вообще – в жизни. Жизнь закончилась в тот самый день, когда бронированное брюхо многотонного крейсера со всего размаха врезалось в каменистое дно Адаманского моря. Василий помнил только сильный и резкий удар, который, казалось, вытряс душу из отчего-то не умершего тела.

Поиски пропавшей души затянулись и грозили отправить брентную часть личности Окоёмова следом за нематериальной составляющей. Существование тела бывший мичман поддерживал за счет разовых подработок и мелкого воровства, а душу пытался найти в «волшебном порошке» – «джяду гумра», как называли его здесь, – новом наркотике, который привозили откуда-то с севера, с гор. Нежно-голубоватый, почти белый порошок и впрямь оказался волшебным, давая душе передышку, отпуская ее на прогулку, в то время как тело само продолжало выполнять нехитрую работу. Вдыхая наркотик, Окоёмов чувствовал уверенность, что пока не закончится действие зелья, ужас, пережитый в тот вечер, не вернется. В том мире, куда уносил его «джяду гумра», было пусто. Но в пустоте, дарованной «волшебным порошком», бывший мичман нашел успокоение. Там не было тревог, забот – абсолютная пустота. Нирвана, почти настоящая.

Увлечение «джяду гумра» грозило Василию закончиться в самом ближайшем времени плачевно – все чаще он ловил себя на том, что не может вспомнить, где находится, как попал в это место, какой сегодня день. Несколько раз он не мог вспомнить своего имени, вообще ничего, события прошлой жизни словно бы стер с винчестера мироздания кто-то заботливый, следящий за чистотой помыслов мичмана канувшего в Лету крейсера «Иван Грозный». Порошок-убийца что-то творил с сознанием, что-то менял внутри головы, медленно выживая Василия Окоёмова из убежища, доставшегося ему по праву рождения. Иногда казалось, что он вовсе не Василий Окоёмов, периодически это чувство перерастало в уверенность. Но самое главное, он не понимал, для чего теперь жил.

Скорее всего, его бы уже не было в живых, если бы «джяду гумра» вдруг не исчез с рынка. Единичные партии поступали в продажу, но цена наркотика взлетела до таких высот, что, для того чтобы купить дозу, Окоёмову пришлось бы ограбить по меньшей мере государственную казну Мьянмы. Поговаривали, причина столь резкого изменения рынка кроется в отсутствии сырья. Так это или нет, Василию было без разницы. Он прекрасно понимал, что выжил только благодаря случайности.

Дух «джяду гумра» выходил из организма тяжело. Окоёмова мучили кошмары во сне и наяву, то и дело он проваливался в беспамятство. Он курил гашиш, пробовал героин и другие наркотики, которые можно найти на черном рынке довольно легко. Но отсутствие денег и способности их добыть не позволило Окоёмову из одной зависимости перебраться к другой. Да и, что таить греха, никакой другой наркотик все равно не помогал. Что-то совсем иное творил с мозгами «джяду гумра».

Возможно, мичман Окоёмов так и сгинул бы в тропической испарине, если бы не наткнулся на объявление о том, что для работы в джунглях требуются наемники, имеющие опыт боевой службы. Оплата, по местным меркам, предлагалась большая до неприличия.

Боевой опыт Василий имел. Несмотря на исхудавшее тело, дрожащие руки и плохо фокусирующийся взгляд, осмотр в обшарпанном вербовочном пункте он прошел с успехом. Следующие несколько дней Окоёмов провел в тренировочном лагере в Мемьо. Там, в Мемьо, их скорее не тренировали, а проверяли. Кто-то появлялся и исчезал, кто-то оставался. Именно там и собралась вся команда: восемнадцать бойцов и лейтенант.

Лейтенант, скорее всего, никаким лейтенантом не был. Просто он так представился, и называли его только так – Лейтенант. Спустя пару дней Окоёмов настолько привык к подобному обращению, что начинало казаться, будто звание, заменившее имя, невысокий шуплый человек носит с самого рождения. Какой он национальности, понять было сложно: узкое остроносое лицо, черные миндалевидные глаза, светло-русые волосы, темная, словно он про-

вел несколько месяцев под палящим солнцем, кожа. Окоёмов не сказал бы с уверенностью, но подозрение, что здесь не обошлось без работы пластиков, имелось. Лейтенант никогда не повышал голоса, но если был недоволен, его тихий, вкрадчивый голос, напоминающий Василию звук, издаваемый ползущей среди камней змеей, бросал в дрожь всех бойцов без исключения. Кроме, возможно, восемнадцатой, которая способностью скрывать эмоции, наверное, дала бы Лейтенанту фору. В общем, таким был их начальник – Лейтенант.

В отряде говорили на английском. Почти все – без малейшего акцента. Боевой опыт, как правило, прививает дух интернационализма: не важно, какой ты национальности, в первую очередь ты – враг. Лишь тринадцатый и седьмой говорили на пиджине из ломаного английского и жуткого жаргона явно юго-восточного происхождения.

Восемнадцатая была странной бабой. Высокая, фигурка стройная, грудь что надо, движения плавные, словно кошачьи. Ее, если приодеть, смело можно было бы подавать на любой прием в качестве... скажем так, главного блюда. Но при всех своих незаурядных внешних данных восемнадцатая зачем-то брила голову наголо, а камуфляж носила навыпуск, пряча дивное тело под складками мешковатой одежды.

На тело имели виды остальные семнадцать бойцов. О Лейтенанте Окоёмов ничего такого сказать не мог, потому что начальник особо не распространялся на личные темы, а на восемнадцатую смотрел таким же безразличным взглядом, как на других наемников.

Первым к девке сунулся восьмой – здоровенный негр, играючи переламывающий ударом кулака черенок лопаты. Собственно, скорее всего, он был и последним, попробовавшим пытаться сексуальное счастье с восемнадцатой, – восьмой был бит и унижен, ибо бит был при всех. Приклад автомата, с которым восемнадцатая не расставалась ни на секунду, застыл в сантиметре от паха восьмого. Под всеобщий гогот опозоренный негр был отпущен под обещание расплющить причиндалы любого, кто попробует «подвалить с подобными предложениями». Лейтенант инцидент никак не комментировал, лишь напомнил на вечернем построении, что собрались здесь все по делу.

Восемнадцатая держалась особняком, никогда не участвовала в общих разговорах. Даже теперь, после недели по бездорожью на вездеходах и почти двух – пешком через джунгли с ящиками на спинах, когда команда сработалась.

И дождь ей был, судя по всему, нипочем – она сидела в пятнадцати метрах от тента, продолжая что-то ковырять в своем «Патанге». По ее бритому затылку вода потоком стекала за воротник.

– Эй, восемнадцатая, – крикнул седьмой, – брось свои штучки, иди под тент! Вымокнешь ведь.

Метелка лишь на мгновение остановила движение тонких длинных пальцев и бросила короткий взгляд в сторону седьмого, а потом резким движением воткнула вытасченную деталь на место.

– Брось, восемнадцатая. Восьмой приставать не будет, я прослежу.

Из-под тента слышались смешки, а следом седьмой осекся, получив от восьмого чувствительный тычок под дых. Но восемнадцатой было неинтересно, что делают остальные наемники. Ей, похоже, наплевать на то, чем занят весь остальной мир. Странная баба. Что творится в ее душе – загадка. Что она делает в этих лесах? «Скорее всего, – подумал Окоёмов, – то же, что и остальные – зарабатывает на жизнь».

– Ты б разделась, что ли, – не без скабрёзности в голосе крикнул восьмой. – А то потом в мокром ходить. И тебе польза, и мужикам приятно посмотреть.

Бойцы продолжали хохотать, на всякий случай отодвинувшись от восьмого – восемнадцатая метелка не в себе, может и выстрелить. Еще заденет ненароком. Но метелка никак не отреагировала на выпад черного. Даже глаз не подняла, будто восьмого вообще не существо-

вало в природе. Она поднялась, закинула автомат на плечо и пошла куда-то сквозь мокрую густую зелень.

– Не напрягайся, восьмой, она тебе все равно не даст.

– Это мы еще посмотрим. Все они правильные, пока...

Восьмой замолчал мгновенно, будто язык прикусил. Может, и прикусил, потому что в плотной ткани тента точно над его головой образовалась маленькая круглая дырочка. Шум дождя в джунглях смешивал звуки, и хлопок выстрела никто бы и не заметил, если бы не эта дырочка. Бойцы замолкли, все, разом. Конечно, восемнадцатая получит свое от Лейтенанта, но если бы пуля прошла на пару сантиметров ниже, восьмому от этого легче не стало бы.

– Совсем сдурела метелка, – сказал четвертый, щупая отверстие в ткани пальцем. – Она же убить его хотела. Но стреляет неважно.

Никто, кроме четвертого, комментировать происшествие не стал. Восьмой с перекошенным от злобы лицом выдернул из ножен на поясе нож, резко вскочил, но, пошевелив острием клинка из стороны в сторону, спрятал оружие. Здесь все были на работе, на хорошо оплачиваемой и подвернувшейся лишь благодаря счастливой случайности. Так что терять доходное место из-за какой-то фригидной стервы восьмому совершенно не хотелось. Да и никто не смеялся – шутка метелки явно не удалась.

А Окоёмов подумал, что вряд ли восемнадцатая промахнулась.

Лейтенант появился минут через пятнадцать. Мокрый и мрачный.

– Кто стрелял?

Вопрос был задан тихо, без малейшего проявления эмоций. Словно он не собирался надавать по морде провинившемуся, а просто поддерживал светскую беседу.

– У восемнадцатой спросите, – посоветовал восьмой.

Лейтенант обвел всех тусклым взглядом, начисто лишенным какого бы то ни было выражения, и, не произнеся ни звука, исчез за стеной дождя.

– Допрыгалась девка, – не то с сожалением, не то со злорадством проронил восьмой.

Его рука усиленно терла макушку, будто пуля на самом деле зацепила ее. Но восемнадцатая стреляла, как Вильгельм Телль: пуля лишь прочертила едва заметную борозду в коротко стриженной курчавой шевелюре обидчика, не коснувшись кожи. Окоёмов обратил внимание, что, несмотря на браваду в голосе, пальцы черного дрожали.

Лейтенант и восемнадцатая вернулись через несколько минут, ссылая с потревоженных листьев целые водопады брызг. Оба с постными рожами и потухшими, словно у мертвецов, взглядами.

– Собирайтесь, – сказал Лейтенант, – через десять минут выступаем.

– Куда? – спросил кто-то, но ответа не удостоился.

– Все оборудование брать с собой. Оружие держать наготове. И чтобы больше никакой стрельбы без моей команды.

Восемнадцатая, стоя за спиной Лейтенанта, навьючивала на себя тюки и проверяла, надежно ли закреплено оружие. Если последняя фраза адресовалась ей, то ни она, ни сам Лейтенант никак этого не отметили.

– Небось с Лейтенантом... – прошипел восьмой, но осекся, заметив короткий взгляд восемнадцатой. Его рука непроизвольно коснулась мокрой теперь макушки.

Командир резко развернулся и скрылся за зеленью листьев. Никаких «и побыстрей», «шевелитесь» или еще чего-нибудь такого. Ни одного слова, не несущего информационной нагрузки. Иногда Окоёмову казалось, что он не человек, а искусно сделанный робот.

– Что это за движения такие экстренные? – проворчал седьмой, скатывая мокрый тент, сплюнув от досады. – И идти мокрыми, и тряпка эта теперь тяжелей в два раза будет.

– Ты укатывай плотней, а то в зарослях увязнешь.

– Не учи.

Шли недолго. Не больше получаса. Второй и третий были с группой подопечных с самого начала, но прояснить ситуацию не смогли.

Контейнеры с оборудованием отобрали. Окоёмов отдал свой с радостью и слабой надеждой, что тащить этот ящик назад не придется.

Из явленных на свет деталей хмыри собрали довольно высокую треногу, прицепили к ней длинную трубку, конец которой уперли в землю.

– Это что, бур? – спросил Окоёмов у Лейтенанта, но тот сделал вид, что не слышал вопроса.

Может, и на самом деле не слышал – дождь разыгрался не на шутку, небо заволокло столь плотной облачностью, что под густым листовым покровом джунглей сделалось темно, как ночью. То и дело полыхали молнии и слышались раскаты грома.

Лейтенант задумчиво посмотрел в сторону неба – никакого неба там видно не было, только темно-зеленая листва сплошным потолком, – потер шею и сверился с каким-то прибором, надетым на левую руку. Окоёмов внимательно следил за действиями начальника, пытаясь понять, чего тот ждет. Но, как обычно, ни один мускул не дрогнул на лице Лейтенанта – он получил требуемую информацию, но какие эта информация вызвала у него эмоции, оставалось загадкой. Как оставался загадкой ответ на вопрос, есть ли у него эмоции вообще.

Лейтенант повернул голову и что-то сказал. Точнее, крикнул, но из-за грома и шума дождя Окоёмов не разобрал слов.

– Что?! – прокричал он в ответ.

– Рация! – Лейтенант показывал пальцем на ухо, но уже не смотрел на Окоёмова. – Всем включить рации!

Командир исчез среди темной листвы, направившись к следующей группе бойцов. Окоёмов воткнул маленький незаметный динамик в ухо и закрепил ларингофон на горле. Времена, когда все действия диверсионной команды, подобной их номерному взводу, координировались командиром с помощью «балалаек», снабженных специальными боевыми программами, канули в Лету. С «балалайками» было удобно – попрактиковавшись какое-то время, начинало казаться, что ты часть единого организма, рецептор или эффектор слаженной команды. С рацией было попроще, никто не испытывал радости от необходимости пользоваться архаичным устройством, которое – спасибо грозе – сейчас выдаст столько помех, что Лейтенанта будет слышно не намного лучше, чем сквозь рев падающей с верхних ярусов воды.

Пальцы начали поворачивать маленький верньер, чтобы включить радиосвязь, но их накрыла большая черная ладонь. Это был восьмой.

– Не спеши, – заговорщицким тоном сказал он. – Дело есть.

– Что случилось?

– Слушай, эта восемнадцатая – с ней что-то нечисто. Что она делает в нашей команде? Что вообще баба здесь делает?!

– Чего ты к ней прицепился?

– И Лейтенант туда же. Тебя или меня за такую выходку он расстрелял бы на месте. Ну, лишил бы зарплаты. А ей – хоть бы что.

– Может, он и ее зарплаты лишил. Ты знаешь?

– Да, ты прав...

Восьмой вертел свой наушник в левой руке. Окоёмов отчетливо видел мелькание белых ладоней среди почти кромешной тьмы. А ведь солнце еще не село. Что там происходит на небе?

– Она отлично стреляет, – сказал Окоёмов. – Очень хорошо, я видел.

– Я тоже, – восьмой усмехнулся, но его улыбка смотрелась безрадостно.

– И симпатичная, – с улыбкой добавил Окоёмов и включил рацию.

– Да пошел ты!..

– Четырнадцатый, четырнадцатый, – тут же возник голос Лейтенанта. Монотонный, словно заело пластинку.

– Четырнадцатый здесь, – ответил Окоёмов.

– Команда включить рации была... – Лейтенант исчез за трескотней помех, а спустя секунду воздух сотрясся от грома. Эпицентр грозы, похоже, висел почти над их головами.

– Есть включить рации! – не дожидаясь окончания шквала помех, отрапортовал Василий.

– Я сказал включить рации пять минут назад, – повторил Лейтенант, тоже, видимо, уловив помехи. – Минус пять процентов оплаты.

– Но...

Нет, оправдываться не стоило. Это обойдется еще во сколько-то процентов. И так с Окоёмова бесстрастный начальник успел уже снять почти пятую часть жалованья. Да и глупо это – оправдываться. Словно нашкодивший малыш.

– Есть пять процентов!

– Восьмой – на позицию. Десять процентов и последнее предупреждение.

– Нет, ну ты слышал, – не удержался черный, обращаясь к Окоёмову.

Восьмой обреченно махнул рукой и удалился в заросли, мгновенно исчезнув из вида. Лейтенант не стал комментировать выпад бойца.

Внезапно впереди полыхнуло. На мгновение из темноты вынырнули дрожащие под тяжелыми каплями широкие глянцевитые листья тропиков и занявшие позиции шестой, двенадцатый и восьмой. В центре, там, откуда пришел свет вспышки, на секунду проявилась воздвигнутая тренога со столбом посередине, ставшим как будто ниже. А потом мягкая размокшая земля вздрогнула, заставив Окоёмова схватиться за ближайший ствол, чтобы удержаться на ногах.

– Черт бы вас побрал, – прошипел Василий, пытаясь унять предательскую дрожь в ногах и нестерпимое желание начать палить во всех направлениях сразу. – Как будто не могли предупредить.

– Третий, четвертый, шестой – остаются на местах. Если в охраняемой зоне появятся посторонние, открывать огонь на поражение. Остальные – сбор у импакт-установки.

– Точно, я видел такие раньше, – послышался голос восьмого.

Окоёмов слышал негра ушами, а не в наушнике рации – восьмой, словно черное привидение, внезапно вынырнул из-за мокрой зелени, щедро плеснув в лицо Василия со спружинившего листа, похожего на мачете. Ларингофон восьмого болтался на груди.

– Что ты видел? – спросил Окоёмов, тоже отлепив ларингофон.

– Эти импакт-установки. Они нефть ищут. По резонансу в полостях под землей.

Окоёмов пожал плечами. Какая ему, в сущности, разница, что ищут эти люди. Его задача – охранять их жизни. Что может оказаться совсем не лишним, если эту самую нефть они все-таки найдут.

Они собрались в центре рабочей зоны. Здесь зловещим неестественным светом сияли экраны трех «раллеров», подсвечивая угрюмые морды хмырей, которые сосредоточенно пялились в какие-то разношерстные графики. Надо думать, результат того самого содрогания земли, записанного специальными датчиками. Интересно, что это означает: что нефть есть или что ее нет? Окоёмов усмехнулся проснувшемуся вдруг интересу к науке. Нет уж, пусть графиками занимаются хмыри, у него другая работа.

Лейтенант стоял за спинами колдующих над «раллерами» хмырей и смотрел в пустоту прямо перед собой. Он ждал.

Один из ученых повернулся – Окоёмов успел рассмотреть его кислую физиономию, выражение отвращения к происходящему на которой усиливалось мертвенным светом монитора, льющегося снизу вверх, – и, причмокнув языком, отрицательно покачал головой. Значит, нет здесь нефти, родимой. Вышла вся. Или не приходила никогда.

Для бойцов «номерного» отряда это означало только одно: оборудование придется демонтировать, сложить в контейнеры и тащить дальше.

Окоёмов обреченно вздохнул.

Глава 2

Мышь вращал в ладони вытянутой правой руки три металлических шара. Металл звонко соударялся с металлом, издавая характерный, похожий на потрескивание электрического разряда, звук. Но Мышь не отдыхал, приводя растревоженные нервы в порядок с помощью широко распространенного гаджета для медитации, он работал.

Прямо перед ним, в темном, подсвеченном голубоватым муаром пространстве висела большая светящаяся таблица, сплошь исписанная цифрами. Цифры постоянно менялись, неся наблюдателю ценную информацию. Для несведущего человека это было бессмысленным набором знаков. Но только для несведущего – понимающий мог найти в этих цифрах много интересного. Знаток мог использовать сокрытые в длинных числовых рядах тайны для собственного блага. Как, впрочем, и кому-нибудь во зло – все на усмотрение пользователя. Человек, наделенный особым умением, мог поменять это все. Понемногу, подправить один завиток, пририсовать другой. Или изменить все в одночасье, махом. Но делать такое не стоило – обычно подобные умельцы долго не жили. И только мастер мог увидеть картину целиком, понять, как изменятся все числа во всех таблицах, исчезающих длинными стройными рядами за несуществующим горизонтом, если подправить хотя бы одно. Мастер – это тот, кто знает замысел.

А мыслят замыслы боги. Здесь никакого мастерства не хватит, как ни старайся. В этом Мышь успел убедиться.

Себя Мышь причислял к умельцам. Он был ломщиком. И он отлично чувствовал ту грань, за которой легкая незаметная коррекция превращалась в грубые мазки, уродующие ценное полотно. Мышь работал подобно реставраторам – наносил новые слои, добавляя что-то от себя, но никогда не менял общего замысла. Работа Рафаэля всегда оставалась работой Рафаэля, а котировки акций – котировками акций. Только в обновленной версии.

Мышь сделал рукой едва уловимое движение, и один из шаров, что, не замирая, продолжали свой бег по ладони ломщика, сорвался с тонких быстрых пальцев и упал прямо на сверкающие цифры. Таблица, словно полотно, сотканное из света, провисла под тяжестью шара. По зеркальной поверхности металла побежали искривленные сферой знаки. Они растекались в стороны, подобно двум половинам застежки-молнии, а потом снова сливались в единую нить. Как ДНК, отработав нужные гены, возвращает себе форму хромосомы.

Шар бесшумно катался по таблице, заставляя ее прогибаться конусом под своим весом. Он считывал данные, пропускал их через себя и отправлял обратно, не оставляя ни единого следа собственного пребывания в этом светящемся пространстве. Главное – не порвать полотно, не попасть в случайно или намеренно пропущенную вязальщиком петлю. Только тронь, и распустится вся ткань мироздания этого мира. Расползется соплями надежда Мыша уйти незамеченным.

Со стороны могло показаться, что шустрый шар делает всю работу самостоятельно. Но это было не так. Два оставшихся в ладони ломщика шара продолжали вращаться, набирая скорость. Каждый шар был продолжением предыдущего, они были единым целым в трех ипостасях. Совсем скоро сверкающие отсветами голубых огней металлические сферы слились в светящийся круг, а длинные пальцы, похожие на паучьи лапы, продолжали двигаться все быстрее и быстрее, достигнув скорости, с которой никакие нормальные человеческие мышцы и суставы не справились бы.

Мышь не был генавром или трансером. Вы правильно догадались – Мышь работал в виртуальности, мире, где обычные физические законы иногда уступали искусству ломщиков влиять на ткань мира Цифры силой мысли, разогнанной «поплавками».

Равно как и шары не были шарами – мощный вирус, запущенный ломщиком в сеть, делал сразу несколько дел: обеспечивал вход, копировал данные и постоянно следил за изменчивой и предательски непрочной тканью мироздания, сотканной машинистами этого сервера.

– Я сегодня наблюдал за твоей работой, – обычным для себя снисходительным тоном сообщил Безликий Призрак.

Кем был этот Безликий на самом деле, Мыш, разумеется, не знал. Призрак был заказчиком – это все, что требовалось знать ломщику. Призрак платил хорошие деньги – это все, что требовалось ломщику, чтобы добровольно согласиться работать с клиентом. Призрак ставил перед Мышом интересные задачи, которые требовали нестандартных и деликатных решений – это все, что нужно ломщику для жизни в сети. В общем, они сработались – ломщик Мыш и таинственный Безликий Призрак.

– Данные котировок скорректированы, исправления действительны до трех часов дня, – отрапортовал ломщик.

Говорить с собеседником было сложно – люди привыкли смотреть в глаза, когда ведут беседу. Или отводить их, или прятать. Но и отводить, и прятать глаза можно от чего-то. У этого существа не было ничего, за что мог бы зацепиться взгляд.

Безликий Призрак, как прозвал про себя заказчика Мыш, представлял собой черный бесформенный сгусток, размазанный по окружающему пространству. Он был похож на черную звезду, выпускающую вокруг себя угольные лапы протуберанцев. Бесформенный, не имеющий ни конкретного размера, ни четких границ сгусток поглощающего свет тумана, пребывающего в беспрестанном движении.

– Отлично, это именно то, что нужно.

– Будут еще поручения?

– Да. Возьми вот это.

Закрученный плотной спиралью вихрь выдернул из недр черного облака маленький пластиковый прямоугольник – ярлык программы.

– Это необходимо внедрить на сервер корпорации «МегаСофт». Оно должно там прижиться. Так, чтобы никто не заметил вмешательства извне. Думаю, ты меня понимаешь.

Разумеется, Мыш понимал. Тем более подобные операции он неоднократно проделывал для Безликого Призрака. Программу переписывать нельзя, это он тоже знал, но контрольная сумма всех данных сервера должна остаться неизменной. Значит, придется переписывать всяческий хлам, что хранится где-то рядом с тем местом, куда нужно поместить программу Призрака.

– Это вирус?

Безликий издал странный звук. Будто чихнул или засмеялся. Или это больше напоминало раскат грома далекой еще грозы? Странное кашляющее облако.

– Нет. Я же говорил тебе – мы не занимаемся взломом. Мы меняем мир.

Теперь усмехнулся Мыш.

– К лучшему?

– Это субъективное понятие, – отрезал Призрак.

Странный заказчик – является лично, пускай и в виртуальном обличье, философствует, отдавая очередной приказ. Интересно, кто он?

Мыш встречался с Безликим Призраком пятый раз. Платил тот исправно, так, словно деньги вообще не являлись для него проблемой. Не в смысле, что у него их слишком много, а в том плане, что Призраку было глубоко наплевать на существование денег, как таковых.

После каждой встречи Мыш изнывал от желания проследить подключение Призрака. Он понимал, что делать этого не стоит, и проблема была не в шифровании данных. С этим ломщик, скорее всего, справился бы. Возможно, что и не оставив следов. Дело было в этике – Призрак соблюдал условия контракта. И еще дело было во власти, которой наверняка обладал

Безликий. Если его власть слишком велика, а исключить этого никак нельзя, то Мыш рисковал не просто хорошей работой – головой.

– Условия внедрения?

– Как обычно – прилагаются к программе. Кстати, код программы можешь посмотреть.

Глаза ломщика на мгновение загорелись, выдав его интерес. Это не скрылось от размазанного шевелящегося облака.

– Конечно, если тебе интересно, – добавил Безликий.

Похоже, он издевается.

Мыш повертел в руках ярлык и положил его в карман, переместив тем самым ссылку на программу в свой «раллер». Движение оказалось неуклюжим, и один из трех сверкающих металлом шаров, что ломщик до сих пор держал в правой руке, выпал и резво покатился в направлении облака. Стремительный черный протуберанец резко выдвинулся вперед и, словно нога футболиста, остановил шар. Мыш вытянул руку, и шар послушно прыгнул назад к своему хозяину.

– Извините, – проронил он.

Безликий не ответил, а лишь снова заурчал, издав подобие грома. Все-таки Мыш никак не мог понять – он смеется таким образом или выказывает неудовольствие.

– Ты очень тонко работаешь, – перестав рокотать, сказал Призрак.

Догадался?

– Именно поэтому вы меня и наняли.

– Возможно, что по этой причине. Ты что-нибудь слышал о резонансе? – резко сменил тему разговора Безликий.

– О физическом явлении?

– Нет, о следе, который оставляет в сети работающий процессор. Например, «поплавок».

– Только «поплавок», – поправил Мыш. – Обычный процессор не оставляет никакого «резонанса», он прям, как стрела. Только плавающая технология создает короткоживущие изменения распределения зарядов на физических носителях.

– По этим изменениям можно поймать «поплавок»?

– Очень сложно.

– Но возможно?

– Если знать как и не медлить – «резонанс» исчезает очень быстро.

– И можно найти конкретный «поплавок»?

– Вы хотите найти какого-то ломщика?

Задав вопрос, Мыш прикусил язык – этим ломщиком вполне мог оказаться и он сам.

– Ломщика – нет. Но «поплавок» – возможно.

Интересно, для чего ему «поплавок»? Или Призрак, как обычно, чего-то недоговаривает?

– «Резонанс» зависит от структуры «поплавка». Раньше, когда «поплавки» создавали граверы, у каждого мастера был свой характерный след. «Поплавки» отличались друг от друга, совсем чуть-чуть, но каждый процессор был уникален. Это было искусство, а не массовое производство. Если очень постараться, иногда удавалось узнать почерк мастера или даже отдельно взятый «поплавок». Но после того, как Сорок Два наводнил мир штамповками... Можно лишь узнать, какая модель взята за основу этой штамповки.

– Тебе не нравятся идеи Сорок Два?

Казалось, Безликий удивлен.

– Это имеет отношение к делу?

Мышу было не по душе, когда заказчики проявляли слишком большой интерес к его личным предпочтениям. Он хорошо знал, что из маленьких крох собранной информации, из случайно оброненных слов, из интонаций и привычки строить фразу каким-то определенным

образом можно узнать о собеседнике многое. И никакого желания давать Безликому возможность познакомиться поближе с собственной персоной ломщик не имел.

– Нет. Но мне интересны идеи нейкизма. Я думал, что все ломщики – нейкисты.

– В той или иной степени, – не стал скрывать Мыш. – Но...

Нет, это черное облако желает знать слишком много. Ему не удастся вывести Мыша на откровенность.

– Каждый волен понимать учение Поэтессы по-своему?

– А вы читали «Числа праведности»?

Пускай теперь Призрак подумает, как ответить на встречный вопрос. Тем более что сам он слишком часто уходит не только от прямых, а вообще от каких бы то ни было ответов.

– Каждый человек, умеющий читать или слушать, может узнать, что сказала Поэтесса.

Ведь так?

– Сколько у меня есть времени на внедрение программы? – ломщику надоела эта игра.

– Два дня.

– Хорошо. Я постараюсь закончить до завтрашнего вечера.

– Главное – качество, а не скорость. Хотя скорость, вне всякого сомнения, тоже важна.

Но качество – на первом месте.

– Качество всегда на первом месте. До связи.

Мыш не стал дожидаться ответного прощания, отключившись первым.

В темном пространстве, освещенном только мерцанием светодиодов и мертвенной белезостью биоорганической матрицы экрана «раллера», возвышались, будто немислимые сюрреалистические башни, серверы, увешанные гирляндами проводов. Угловатые металлические коробки громоздились одна на другую и исчезали где-то под самым потолком, теряясь во мраке.

В затылке саднило от изрядно разогнанной «балалайки», но сейчас не до нее. Перегрев совсем небольшой, вполне можно потерпеть. И не такое бывало. Сейчас нужно проследить, куда потянется ниточка. Та самая, что намотал на неопределенность Безликого Призрака один из шаров Мыша.

Являвшегося Призрака ломщик назвал Безликим не только и не столько из-за отсутствия прорисованного лица. Собственно, у этого создания даже не имелось места, куда лицо можно было бы прицепить. Но в виртуальности сети можно нарисовать все, что угодно. Хватило бы фантазии. Однако каждая картинка имеет свой код. Статичный, динамичный ли, но имеет. Диффузное облако Призрака не имело под собой никакой программной основы. Это Мыш проверил в самый первый раз, когда заказчик решил появиться перед ним лично. Как он это делал, оставалось загадкой для Мыша. Его нельзя было разгадать или узнать по характеристикам кода в ином обличье или в другом месте, но, возможно, если следовать за приходящим сигналом, удастся добраться до точки, откуда этот призрак выходит.

Тонкие пальцы с неаккуратно обгрызенными ногтями проворно передвигались по клавишам. Неуловимый, быстрый танец, отбивающий чечетку. Танец машинного кода, танец Цифры. Вот она – нить Ариадны. Сервер в Китае – поднебесники? Нет, переход куда-то в Конфедерацию, Южная Америка. Не важно, где конкретно, потому что нить, повинаясь знакам, сотворенным проворными пальцами Мыша, уже повернула в Европу. Север, побережье или Британские острова. Нить движется дальше – нормальная практика. Если использовалось достаточно сложное шифрование – а особенных сомнений в этом факте ломщик не испытывал, – скоро начнется не просто бег с сервера на сервер. Скоро нить Ариадны начнет раскручиваться на отдельные волокна, которые станут разбегаться в стороны. Найти точку, где все эти цифровые филаменты соберутся обратно, сложно. Но ничего невозможного нет.

Внезапно ловкие пальцы остановили свой бег, замерев в сантиметре от черных клавиш. Какого дьявола он делает?! Ему что, жить надоело?!

Мышь не мог найти ответов на эти вопросы. Как в свое время не мог ответить сам себе, для чего вообще снова полез в сеть. Для чего снова появился в мире Цифры, однажды чуть не превратившемся в высокотехнологичный крематорий для его сознания. Что заставляло наплевать на собственное здоровье, на запреты и договоры? Что заставляло постоянно соваться в самую глубину мира Цифры, туда, откуда можно не найти выхода? Деньги, тщеславие, азарт?

Всего этого было предостаточно. Разве что с азартом последнее время вышли некоторые трудности. Нет, было что-то другое, что-то первобытное или первородное – то, что вынуждало древнего туповатого человека выходить из относительно безопасной пещеры, до самого потолка заваленной вяленным мясом мамонта, в полную смертельных угроз долину и идти в поисках незнамо чего. Путь сквозь долину был долгим, он привел к Цифре.

Но человек застрял на пороге, так и не решившись войти в эпоху Цифры. Куда делась та природная решительность и неумный авантюризм? Или люди слишком долго слонялись вне своей комфортабельной пещеры и теперь их манит назад – к вяленой мамонтьятине? Одна беда: мамонты успели вымереть.

Никаких сомнений – Призрак подключался к сети с помощью незарегистрированного коммуникатора. Никто и не надеялся, что заказчик станет вести философские беседы с собственной «балалайки». Но даже с незарегистрированным коммуникатором можно найти точку подключения. Здесь ее не было, хоть тресни. «Нить Ариадны» исчезала, словно распадалась на атомы и элементарные частицы где-то среди серверов Северного полушария. Именно так: Северное полушарие – самая большая точность, которую удалось добиться Мышу. Новая технология шифрования? Может, и так. Ох и непрост этот заказчик.

Не исключено, что это были какие-то неизвестные Мышу возможности сети корпорации «Науком», захватывающей все большую часть виртуального мира. Машинисты москвичей постарались на славу – Мышь так и не нашел явных дыр в их системе. Пока спасало то, что большинство локальных сетей еще не были готовы полностью перейти на платформу «Науком». Когда интеграция завершится, работать ломщикам станет намного труднее. Если вообще возможно. Но, как любил говорить Мышь, ничего невозможного нет.

Глава 3

Президент Райн Тайн – невысокий, чуть полноватый мужчина с широким бесформенным носом и узкими, словно у китайца, глазами на круглом одутловатом лице – нетерпеливо барабанил пальцами по листу бумаги, на котором аккуратно было отпечатано послание индусов.

– И что они хотят? – спросил он у своего советника, стоящего у стола с опущенной в почтительном поклоне головой.

– Они обеспокоены положением дел на черном рынке, – сообщил очевидное советник. Он, судя по всему, тоже совершенно не представлял, как правильно поступить.

– Какое нам дело до их черного рынка?

Вопрос был явно риторическим, и советник благоразумно промолчал.

– Почему они хотят, чтобы эту проблему решали мы?

– У них есть информация от торговцев, что наркотик привозят с нашего севера.

– Этот «джьяду гумра» на самом деле столь опасен?

– Мы не знаем. Вы же понимаете, господин Президент, что у нас нет возможности исследовать зелье.

– Но посмотреть, каким образом действует, вы вполне способны.

– Люди, пробовавшие «джьяду гумра», утверждают, что побывали в нирване. Проблема заключается в том, что наркотик вызывает какие-то не совсем понятные изменения психики. Вероятно, необратимые.

– И все же чего индусы хотят от меня?

Райн Тайн говорил ерунду. Но дураком он не был, просто Президент на самом деле был озадачен.

«Джьяду гумра» стал проклятием Мьянмы. Страна и так трещала по швам. Впрочем, по швам она трещала последние полторы сотни лет – порабощенная, когда в ее землях что-то находили, и никому не нужная, умирающая сама по себе, когда очередные полезные ископаемые заканчивались.

Последнее потрясение постигло Мьянму в эпоху Больших Нефтяных Войн, когда поднебесники надеялись заполучить остатки мьянманских месторождений в свои руки. А получили шиш. Не потому, что натолкнулись на серьезное сопротивление – сопротивляться было особенно некому, да и незачем. Нет, причина была прозаичней. Просто к тому моменту, когда китайцы добрались до Летпандо, где на горизонте появлялись первые насосы, качающие топливо, нефти в недрах Мьянмы оставалось залить пару баков в легковушках.

Так, за ненадобностью, Мьянма в очередной раз получила независимость, которую сохраняла и по сей день.

Но все могло измениться. Райн Тайн это хорошо понимал. Может быть, лучше, чем китайцы или индусы. И он хотел что-то изменить, другого выхода он не видел. Страна с трудом сводила концы с концами, и с каждым месяцем делать это становилось все трудней.

Райн Тайн мог показаться нерешительным рохлей. Именно таким его видели лидеры сопредельных гигантов – Китая и Индии. Иначе и быть не могло – как и многим его предшественникам, Райн Тайну досталась разрозненная нищая страна, почти лишенная всех нормальных современных благ, привычных в иных частях света. Даже сеть – вездесущая и неотъемлемая часть мира до Перерождения – была чем-то вроде чуда, доступная на территории Мьянмы лишь в крупных городах.

Но у Райн Тайна было свое проклятие. Или свое преимущество – это как посмотреть: Катастрофа, перевернувшая мир. Кризис убивает слабых, но дарует шанс. Подарок преподносится всем, каждому, кто способен догадаться, что это дар, кто смог принять и отстоять его. И

только те игроки, кто по-настоящему поверил в собственные силы, смогут выиграть большой приз.

В обычной жизни все решает стартовый капитал. Это миф, что можно подняться с нуля, разжиться честным и усердным трудом. И только в кризис появляется настоящая возможность схватить большую удачу, ничего не имея.

Мьянма была пустым местом, лежащим между двух титанов. Наличие одного большого покровителя может пугать, но двух не может не радовать. Райн Тайн хорошо усвоил принцип «разделяй и властвуй».

Райн Тайн всегда помнил о брате. Маленький Таш... Но именно сейчас пришло время вспомнить все в мельчайших подробностях.

В семье будущего Президента родилось восемь детей, но годовалый возраст удалось пережить только Райну и Ташу. Таш был младшим.

Родители работали на урановых рудниках в Кьяунгсине. Они не нанимались на работу – тяжелую и смертельно опасную. Правительство решило, что стране нужно повысить добычу урана на рудниках, принадлежащих Мьянме лишь формально. Реально месторождение давно прибрали к рукам поднебесники. Добыча беднела, руды становилось все меньше, и требовалось все больше усилий, чтобы найти среди радиоактивной пыли хоть что-то. Пока китайцы платили, правительство шло на любые условия, лишь бы сохранить этот доход.

Полиция сгоняла на рудники всех, кто, так или иначе, оказывался без работы. А безработных в Мьянме было хоть отбавляй.

В тот день Ташу исполнилось одиннадцать. Райн вернулся с работы – он трудился в строительной бригаде, строящей дорогу на север, – и увидел брата. В таком виде – впервые. Райн запомнил его лицо на всю жизнь: глупая, ничего не выражающая улыбка, безвольно приоткрытый рот, из уголка которого обильно стекала слюна, и глаза – пугающие, смотрящие в никуда, с бездонными расширенными зрачками.

Райн бил брата по щекам, пытаясь привести в чувство, тряс его так, что глаза Таша закатились, а из горла стало доноситься противное бульканье. Сколько времени продолжалась агония, Райн не знал. Возможно, несколько часов, но не исключено, что с момента, когда он впервые увидел младшего брата, пускающего слюни, до того, как тело Таша обмякло в его руках, а руки перестали ощущать биение сердца, прошло всего несколько минут.

Райн нашел на руках брата следы от укусов. Много следов. Раньше он не замечал их. Наверное, потому что не смотрел, не думал, что Таш, маленький веселый Таш может попасть...

Райн знал, куда попал Таш. Он знал, зачем. Торговля наркотиками процветала в этом бедном умирающем мире. Для производства и распространения опасного зелья нужны были работники. Рабы – так сказать правильной. Наркоторговцы превращали в наркоманов доверчивых пацанов, сбывая им дурь по дешевке, а иногда и «угощая» какими-нибудь некачественными отходами производства. Очень скоро новоиспеченные наркоманы за дозу медленно убивающей их дряни были готовы на все. Они выполняли любые поручения «начальства», зачастую бывшего такими же рабами-наркоманами, но посаженными на более качественную «продукцию».

Что случилось в тот день, Райн не знал. То ли Таш сам не рассчитал с дозой, то ли постарался кто-то другой. Это не имело значения. Райн думал, что его брат умер, держа на руках бездыханное тело, вздрагивающее в редких и слабых судорогах. Но Таш остался жив. Вернее, живым осталось его тело, в котором не было ни капли от веселого, родного человечка. Пустая, пускающая слюни оболочка.

В тот день Райн поклялся отомстить. И он выполнил свое обещание.

Он пошел к торговцам наркотиками. Работал пушером – сам продавал зелье зеленым пацанам и девчонкам. Было противно, но иного пути он не видел: чтобы выполнить задуманное, нужно чем-то жертвовать.

Сам Райн никогда не притрагивался к тому, что продавал. Сначала это вызывало недоверие «руководства», но немного погодя им заинтересовались настоящие боссы.

Спустя полгода, когда Райн достаточно освоился в среде наркоторговцев, он выполнил задуманное. Целый месяц шестнадцатилетний Райн ждал случая, и случай представился.

Ложь всегда выглядит красивее правды. Правда – серая и обыденная, правда – это то, что всем надоело, от чего уже никто ничего не ждет. А ложь – это птица в небе. Красивая и недостижимая. Но приятно думать, что птаха, которая реет так высоко, может достаться тебе. Даже если не уверен, что птица настолько красива, как рассказывали. Ложь манит, она притягивает пуще любого наркотика. Особенно, если подкрепить обман небольшими, но вескими доказательствами.

Райн собрал достаточно информации о поставщиках зелья в их районе. Он знал наименования грузов, их ценность и возможности тех, кто отправлял все это сюда. Конечно, он не ведал всех тайн, но ему было известно многое.

Несколько оброненных слов в одном месте, рассказы пушеров-наркоманов, получивших свою бесплатную дозу, – в другом. Пушерам без разницы, что рассказывать, после полученной дозы они начинали верить собственным рассказам так, что готовы были убить любого, кто обвинил бы их во лжи. Они все видели сами или слышали, как кто-то что-то где-то сказал.

Спустя полтора месяца после того, как Райн начал внедрять свой план, между группировками, торгующими наркотиками, разгорелась настоящая война. Правительство было вынуждено ввести войска для наведения порядка в районе, массированные операции, проведенные силами правоохранительных органов, уничтожили последних из оставшихся боссов.

Так Райн Тайн отомстил за жизнь брата.

Таш умер через два года. Рассудок так и не вернулся к нему, до самой смерти маленький Таш оставался пускающим слюни и гадящим под себя растением.

Сейчас Райн Тайн вспоминал события прошлого не просто так. Он давно перестал оплакивать смерть брата. В конце концов, Таш сам выбрал свой путь, пусть его и подталкивали. Президент думал о другом – об уроке, полученном из всей этой истории.

Природа не терпит пустоты – непреложный закон. Когда рынок сбыта наркотиков остался без боссов, хаос продолжался недолго. На смену старым структурам – слабым деревенским бандам, что уж греха таить, – пришли новые. Крупные наглые хищники, прибравшие к рукам все, что осталось от прежних хозяев, и преумножившие это. Райн разрушил бизнес людей, убивших его брата, но привел в свой мир совершенно иных, более сильных, более наглых и беспринципных бандитов. В итоге он сделал хуже, он убрал маленького зверька и отдал место настоящему зверю.

Сегодня Президент был близок к подобному выбору – нужно столкнуть «зверей» между собой, но при этом не оказаться между ними. И не пустить в свой дом нечто худшее, чем можно ждать сейчас.

– Какие у нас данные по нефти? – спросил Райн Тайн у советника.

Седовласый Пту Айн, казалось, задремал. Он резко вскинул голову, его прищуренные глаза открылись.

– Технологии, которыми мы располагаем, не позволяют... – начал он.

– Что ты мне постоянно рассказываешь о том, чем мы не располагаем?

– Простите, господин Президент. Но, к сожалению...

– Я прекрасно понимаю, что на сегодня мы не располагаем практически ничем.

– На старых местах ничего не нашли, – коротко подтвердил Пту Айн.

– Это понятно. Откуда там взяться нефти. Скажи, эта сибирская байка насчет подземных нефтяных рек все еще имеет силу?

– Насколько мне известно, в Сибири продолжают поиски нефти.

Это хорошо, что продолжают. Мьянме это как раз на руку. Особенно, если принимать во внимание факт, что нефть однажды уже возвращалась в эти края. Правда, ненадолго. В тот раз – к счастью.

Первый раз нефть в Мьянме закончилась почти сто лет назад. Несмотря на то что ученые предрекали, будто черного золота хватит еще лет на двадцать. В то время яйцеголовые много чего предрекали, но почти все ошиблись в расчетах. Или их подвели эти таинственные подземные нефтяные реки, рассказы о которых теперь распускали сибиряки.

Потом, когда начались нефтяные войны, не тронувшие Мьянму в самом начале, черное золото вдруг снова появилось в скважинах. Но спустя всего полгода недра опять опустели. Сегодня, после всепланетной встряски двухлетней давности, вполне можно ждать повторного возвращения топлива. И люди Райн Тайна всеми силами поддерживали слухи о том, что нефть есть на севере – в горах, там, куда добраться не так-то просто. Мьянме нужны деньги могущественных соседей, без них не выжить. Но раскошелиться просто так никто не собирался.

А теперь еще и этот «джяду гумра». Новый наркотик. К дурманящему зелью всегда проявлялся слишком большой интерес. И со стороны преступного мира, и со стороны правительств. Одни были озабочены перспективами прибылей, вторые... вторые делали вид, что озабочены «здоровьем нации», но думали все о той же прибыли.

Но в интересе индусов к «джяду гумра» было что-то еще. Райн Тайн чувствовал это, не понимал, что именно, но ощущал на уровне подсознания. Президент не возражал отдать секрет зелья, которым и не обладал, но он хотел знать, чего лишается.

– Мы можем раздобыть сырье, из которого получают этот «джяду гумра»?

– Поставки наркотика практически прекратились, – сообщил советник. – Кроме того, цепь сбыта слишком запутана, мощные организованные структуры появляются только на последних этапах, и ни нам, ни им ни разу не удалось выйти непосредственно на сборщиков сырья. По слухам, наркотик получают из какого-то растения, но ни одного образца мы до сих пор не видели.

– Как такое может быть?

– На севере сильное радиационное заражение. Мы не можем исключать, что никто из сборщиков сырья не выжил. Возможно, с этим связано и прекращение поставок наркотика.

Райн Тайн поднял лист с посланием индусов. Черные, отпечатанные на принтере буквы ровными цепочками бежали по желтоватой бумаге. Это была еще одна приманка для зверя. Поднебесники пока не предъявляли претензий, но им проще – северные районы, где росло нечто таинственное, подарившее миру «джяду гумра», с территории Китая были более доступны, чем отсюда, из Нейпидо. Скорее всего, именно этим фактом и озабочены индусы, а вовсе не проблемами своего черного рынка. Тем более что поток «джяду гумра» иссякает сам собой.

– Подготовь ответ нашим индийским друзьям. Мы внимательно рассмотрим их предложения и приложим все силы. Как обычно. Да, не забудь упомянуть, что мы сами крайне заинтересованы в решении вопроса и надеемся на их помощь. И про нефть не забудь что-нибудь вставить.

– Что?

Райн Тайн улыбнулся. Пту Айн не желал брать на себя ответственность за ту ложь, которой они изо всех сил снабжали соседей. Но ложь, как это усвоил Президент еще в юности, притягательней правды.

– Напиши, что в свете грядущей геологоразведки и разработки перспективных месторождений проблема формирования наркобизнеса в нефтеносных районах должна быть пресечена на корню.

Глава 4

Тонкие пальцы аккуратно мяли маленькие голубые цветочки. На первый взгляд нежные холеные руки майора Ли Ханьфанга могли показаться слабыми и неумелыми. Но это было не так. И бойцы, деловито снующие вокруг двух вяло вращающих винтами вертолетов, могли подтвердить этот факт – многие из них успели испытать на собственной шкуре силу изящных и ухоженных рук майора. Если товарищ майор бывал недоволен работой подчиненных, он особенно не церемонился – перепадало каждому. Это в расположении части он мог задумываться об уставе и правильных отношениях. Здесь, в тропической глуши, он был царь и бог. Здесь каждый слушался его, как отца родного. И, нужно отдать майору должное, пока никто не смог упрекнуть его хотя бы в одной допущенной ошибке.

Майор растер остатки цветка в нежно-голубую кашицу и осторожно понюхал пальцы. Пахло зелены. Обыкновенной травой, никакого специфического запаха.

– Что с фоном? – спросил Ли Ханьфанг.

Молодой сержант, облаченный в жаркий, немного поблескивающий на солнце костюм противорадиационной защиты, показал прибор, который держал в руках, и доложил:

– Повышен, товарищ майор. Здесь все заражено.

– Значит – тридцать минут, – посмотрев на цифры, констатировал майор Ли.

Это была их восьмая высадка. Наводку давали из центра, ориентировались по данным со спутников. Но ценности в этой информации было немного – что можно разглядеть со спутника в джунглях, под кронами плотного, как настоящая крыша, леса? И все же в первую очередь они осматривали относительно открытые участки. Наподобие этого.

Слева, метрах в трехстах, виднелись остовы каких-то строений. Некоторые были довольно внушительных размеров, этажей двенадцать в высоту, оплывшие, словно расплавленные под жарким тропическим солнцем свечи. Ли Ханьфанг знал, что это. Остатки заводов корпорации «Фарма 1». Брошенное добро, которое номинально до сих пор принадлежало верхолазам из Анклавов. По закону их команда не могла здесь находиться. Но это по закону, о котором в этих краях давно никто не слышал.

– Пошли троих человек, пускай осмотрят развалины, – майор отдал приказ лейтенанту, который ни на шаг не отходил от начальника. Молодой военный взял под козырек и, натянув на лицо респиратор, поспешил к группе бойцов, собиравших образцы с поля у вертолетов.

– Но ведь где-то же эта зараза должна расти, – задумчиво пробормотал Ли Ханьфанг, еще раз потянув ноздрями запах, исходящий от пальцев.

Ли Ханьфанг служил в МГБ КНР в чине майора уже пятый год. Кое-кто из коллег считал, что Ли засиделся в звании майора, что он вполне достоин получить подполковника, но начальство отчего-то медлило. Самому Ханьфангу было глубоко наплевать на все эти звания. Он знал, чего стоил. Знал много больше тех, кто прочил ему быстрое продвижение по служебной лестнице. И, как оказалось, начальство ему доверяло.

Несколько месяцев назад его вызвал генерал Ши и сообщил, что он назначен командующим группировкой, которая отправляется на север Мьянмы. Там они будут искать сырье, из которого кто-то придумал делать новый наркотик, получивший название «джьяду гумра». В переводе бенгальская фраза означала: «волшебный порошок». Чем примечателен этот «порошок» и для чего понадобилось искать сырье, майор не знал, но был уверен – раз это дело поручили ему, значит, важность в наркотике для страны имеется.

Задание оказалось сложным, но Ли Ханьфанг привык – таким, как он, простые дела не поручали. Дело осложнялось еще и тем, что местность изрядно заражена осевшими в этих краях изотопами, взметнувшимися в небо при взрыве располагавшейся недалеко за горами на территории Поднебесной АЭС. С другой стороны, это и к лучшему: некому будет следить за

действиями китайской команды. Тем более что свидетелей Ли Ханьфанг не выносил, их не должно оставаться.

Майор видел «джяду гумра». Мелкий нежно-голубой порошок, очень похожий оттенком на эти цветочки. Ли Ханьфанг активировал зашиту в «балалайку» ботаническую энциклопедию, которой его снабдили спецы МГБ, но ничего похожего на «лютик», который держал в руке, не обнаружил. Возможно, он что-то не так искал – майор не был специалистом в ботанике, его мастерство проявлялось совсем в других сферах. Но все же отсутствие голубого цветочка в картотеке настораживало. И этот цвет... Только запаха не было. «Джяду гумра» имел довольно резкий характерный запах, который трудно с чем-нибудь спутать. Логично предположить, что аромат достался наркотику от исходного сырья. Но цветок пах обычной травой.

И еще оплывшие башни «Фармы 1». Майор чувствовал, разгадка должна быть где-то тут. Неспроста эта зараза зародилась в здешних краях. Все сходилось – и радиация, довольно легко изменяющая и уродующая живую материю, и заводы корпорации, занимавшейся генетическими исследованиями.

Среди плотной сочной травы майор увидел еще несколько тонких стебельков с нежно-голубыми цветками. Он наклонился и сорвал их.

Неподалеку работало несколько бойцов, спешно выдергивая все, что попадалось под руки, и пакуя зелень в специальные мешки.

Ли Ханьфанг посмотрел на часы, отображаемые наноэкраном. Еще пять минут. Лучше явиться сюда второй раз. Через пару дней, после того, как его команда отмоется и выпьет вина для очищения организма. Радиация здесь и в самом деле присутствовала, майор ощущал легкое пощипывание на руках, куда попала пыль с травы. Может, все-таки надеть респиратор? Тем более что ему не доведется побаловаться красным вином, по закону положенным всей команде.

После того как в кабинете генерала Ши были обсуждены все моменты операции, получившей название «Южная молния», майора Ли Ханьфанга попросили остаться. Собственно, попросил сам генерал.

– Вы, товарищ майор, неоднократно выполняли *особые* поручения правительства, – начал генерал.

Ханьфанг стоял, вытянув руки по швам и слегка склонив голову. Он резко кивнул.

– Вы должны понимать, что вам оказано огромное доверие, которое пока даже трудно оценить. Ваша кандидатура была одной из многих, но выбор пал именно на вас. Мы надеемся, что вы, товарищ майор, оправдаете надежды высокого руководства Народной Республики.

– Так точно!

– Присядьте, товарищ майор.

Ли Ханьфанг сел в кресло, на которое указал ему Ши, но в его позе и движениях не появилось и намека на расслабленность или вальяжность. Генерал сел в кресло напротив, явно стараясь держать себя свободно, как и было положено вышестоящему по званию и хозяину кабинета, но от Ли Ханьфанга не скрылось, что руки Ши немного дрожат. Судя по всему, серьезность задания была даже выше, чем мог вообразить генерал.

Пугало ли это Ли? До того как генерал продолжил разговор, майор успел задать себе этот вопрос. И ответил на него отрицательно. Нет, не пугало. Очаровывало, вызывало интерес и будоражило. Он любил трудные задания.

– Вы будете выполнять роль командира операции «Южная молния», но у вас будет еще одно задание, связанное с основным лишь территориально. В курсе будете только вы, никто из вашей группы не должен ничего знать, – начал объяснения генерал.

Ши сделал паузу, видимо, ожидая, что майор станет задавать вопросы. Но Ли Ханьфанг молчал, глядя прямо перед собой. Он ждал объяснений, вопросы он сможет поставить на месте.

Для того, чтобы найти на них ответы. Глупо задавать вопросы здесь – если бы генерал знал, что сказать в ответ, ему не потребовалось бы посылать в Мьянму майора Ли.

– Это задание государственной важности, – понизив голос, сказал генерал. – Его выполнение держит под контролем сам Председатель!

Вот, значит, как. Это на самом деле высший уровень доверия. Большого просто нельзя и представить.

– Нашли вот это, – приглушенный респиратором голос бойца вывел майора из раздумий.

Ли Ханьфанг задержал взгляд на бликующих очках, защищающих глаза бойца, затем посмотрел на то, что тот держал в руке. Смутившийся лейтенант сорвал с лица маску, плотно сжав губы.

– Наденьте, – бросил ему майор, – здесь изрядно фонит.

Лейтенант неуклюже приставил маску к лицу, но не надел, так как ему мешала какая-то рванина, которую он притащил со стороны развалин.

– Что вы нашли?

– Одежда, товарищ майор. Такую носят местные, это не из корпоративного имущества.

– Хорошо. Упакуйте образец.

– Так точно! – лейтенант попытался отдать честь, но выронил респиратор, вдохнув полной грудью воздух, наполненный радиоактивной пылью. В его сощуренных глазах появился испуг.

– Не переживайте, – майор наклонился и поднял упавшую маску, протягивая ее подчиненному, – радиация не столь страшна, как обычно думают. Но расслабляться тоже не стоит.

Лейтенант кивнул, принимая из рук майора респиратор.

– И вот это тоже упакуйте. Отдельно. – Ли Ханьфанг протянул ему два стебелька, увенчанных нежно-голубыми цветами.

– Ждите меня здесь, – бросил Ли Ханьфанг лейтенанту. – Заканчивайте паковать.

– Так точно! – отозвался молодой человек, отдав майору честь.

Как только Ли Ханьфанг шагнул в высокую, доходившую почти до пояса траву, лейтенант тут же дрожащими руками натянул респиратор. Все боялись радиации. И правильно делали, ее тут на всех хватит. На АЭС, что снабжала электричеством треть провинции Юньнань, во время толчков Перерождения взлетели на воздух все шестнадцать энергоблоков. Из автономного округа Нуцзян не было даже эвакуации – те, кто остался жив после толчков, все равно были обречены: уровень радиационного заражения района превышал все мыслимые пределы. До Нуцзяна отсюда километров сорок, но и этим местам досталось изрядно.

Майор шел быстро, раздвигая ногами траву, словно ледокол лед. Сегодня Ли надел штаны от костюма радиационной защиты. Как-то последнее время он стал неважно себя чувствовать – то ли сказывалась усталость, накопившаяся за последние недели, то ли дело все же было в радиации, опасаться которой Ли Ханьфанг отказывался. Показатели личного дозиметра, разумеется, давно уже зашкаливали, но в выданном под его начало подразделении не было дозиметриста. Да и если бы был – кто осмелится перечить начальству?

Поэтому надевать жаркий, не пропускающий воздух костюм, не говоря уже о респираторе, майор не собирался. В здешней духоте он скорее получит удар от перегрева в саркофаге сверкающего металлическим блеском костюма, чем успеет загнуться от ионизирующего излучения. В любом случае, Ли Ханьфанг никогда не планировал умереть, предварительно расположив иссушенное старостью немощное тело в теплой постели. Он планировал жить, полностью оправдывая суть этого термина, и умереть тогда, когда закончится его *Дао*. А радиация не упоминалась ни в одном из трактатов Традиции.

Двор был усыпан бетонной крошкой, перемешанной с горами битого стекла. Попадались и многотонные фрагменты стен, отвалившиеся с верхних ярусов башен. Бродить здесь явно

небезопасно – словно замороженный, процесс разрушения мог возобновить свое стремление к хаосу в любой момент.

Из-под обломков торчали искореженные и проржавевшие останки мобильных. Наверное, они принадлежали работникам завода. Или лаборатории. В сводках «Фармы» это место значилось под названием «объект». Уточняющих запросов никто не делал – формально здесь не было и быть не могло никаких китайских подразделений, – но вряд ли эти запросы что-нибудь прояснили бы.

С противоположной стороны от башен находились ворота. Рядом с ними небольшим холмиком выделялись обломки здания КПП. Дальше, через горы, уходила дорога. Она обрывалась в четырех километрах к западу, теряясь во вновь образовавшемся ущелье. Людей и оборудование отсюда эвакуировали в спешном порядке вертолетами. Многие забыли или оставили намеренно. Люди тоже не все дождались спасения.

Майор Ли почувствовал запах смерти сразу же, как только ступил на корпоративную территорию. Его губы тронула улыбка – он был сто тысяч раз прав, решив не надевать респиратор. Здесь пахло разложением, не тем сладковатым тошнотворным запахом, какой обычно распространяют двух-трехдневные трупы. Нет, этот запах был иным. Тонкий, едва заметный в ароматах джунглей и трав из долины оттенок вяленого мяса с душиком. То, что источало это благоухание, лежало здесь уже не первый день. Скорее, не первую неделю. И это не были навсегда оставшиеся на рабочем месте сотрудники «Фармы 1» – те давно уже перестали смердеть.

Ли Ханьфанг посмотрелся на смерть. Окончание жизни очередного тела не пугало его, будь тело чужим или его собственным. У каждого свое Дао, и каждый волен распорядиться предоставленным мирозданием временем по собственному усмотрению. Но никто не волен решать, когда путь очередной ипостаси должен прерваться. Только праведники могут выбирать момент, когда отправляться в нирвану.

Источник запаха отыскался у входа в правую двухголовую башню. Совсем неглубоко под камнями лежало шесть полуразложившихся подсохших трупов. Одежды на погибших не было. Зато на шеях отчетливо выделялись темные странгуляционные борозды – всех шестерых задушили.

То отрепье, что нашел здесь лейтенант, наверняка принадлежало этим беднягам. Все приходится делать самому – лейтенант ходил прямо по трупам, но ничего не видел у себя под ногами.

Только почему их убили? Не из-за тряпья же. Нет, раздели их явно по какой-то иной причине. Собственно, причина здесь могла быть только одна – ритуал. Ли Ханьфанг не знал подобного ритуала, но он и не считал себя знатоком обрядов всех традиций.

Второй вопрос – кто эти люди? Можно делать множество предположений по этому поводу, но ответ напрашивался сам собой: если «джяду гумра» производили здесь, то делали это именно они.

Внутри башни ориентироваться было сложно – часть здания просела внутрь, завалив некоторые из коридоров. Другие проходы изменили очертания, где-то рухнули стены, где-то образовались новые – из обломков.

На первом этаже вряд ли будет что-то интересное – лейтенант с бойцами, вне всякого сомнения, заходили сюда. Хотя и осмотр наверняка проводил весьма беглый.

Лестница отыскалась в третьем повороте. Здесь было темно – в пределах видимости не светилось ни одно окно. Но бетонные пролеты, покосившиеся и потрескавшиеся, на удивление устояли, поднимаясь вверх настолько, насколько их вообще было видно в полумраке.

Как же все оказалось просто – люди, приходившие сюда, наследили столь явно, что блуждать по бесчисленным этажам и лабораториям Ли Ханьфангу не пришлось.

Лаборатория отыскалась на четвертом этаже. Там же лежали трупы. Здесь их было четыре. На этот раз – одетые, но способ убийства был все тот же.

Майор присел возле одного из тел. Судя по одежде, его прежний владелец был индусом. Хотя внешний вид часто бывает обманчивым. А судя по расположению потемневшей борозды на шее, оставленной каким-то жгутом или скрученным куском ткани, всех – и этих, и тех, внизу, – задушил один и тот же человек: везде удавку двигали влево, а на затылке практически в одном и том же месте у всех виднелась короткая неглубокая царапина. Видимо, убийца носил перстень или кольцо с острым камнем или объемным узором.

Учитывая следы на полу, где-то должен быть еще один труп. Майор заглянул в соседнее помещение, где исчезала борозда, прочерченная чем-то тяжелым в разбросанном на полу мусоре, и обнаружил пропажу. Этот тоже был одет, только его зачем-то завалили осыпавшимися со стен кусками штукатурки.

У убитых никаких документов, ничего, что могло бы пролить свет на их происхождение. Ни у одного нет «балалаек», «таблетки» в предплечьях у тех, что лежали в лаборатории – основательно, кстати, разрушенной, – были давно, судя по рубцам, и не особенно аккуратно удалены. У тех, что голышом отдыхали под грудой камней внизу, никаких «таблеток» не было вовсе.

Итак, вводные: одиннадцать трупов и один убийца. Все задушены, причем картина очень смахивает на ритуальное убийство. Во всяком случае, с теми, что внизу. Для чего надета одежда на пяти трупах? Намеренно, чтобы запутать?

Слишком много вопросов. Слишком много предположений. Мало достоверности.

– Товарищ майор, вы превысили допустимое время пребывания на объекте на четыре минуты. – Голос лейтенанта, внезапно возникший в левом ухе, заставил Ли Ханьфанга вздрогнуть. Он успел забыть о рации, наушник которой все это время торчал в слуховом проходе.

Провалиться тебе! Время не имеет никакого значения, Дао вне времени.

– Я возвращаюсь, заводите машины, – сказал Ли. – Нам нужно двигаться. И пришлите сюда кого-нибудь с канистрой.

– Которая...

– С той самой. Поживее.

Майор тщательно зафиксировал в памяти «балалайки» все, что посчитал важным, и вышел наружу. Солнце робко проглядывало сквозь прорехи в облаках, начиная разогревать влажную атмосферу. Густое молочное покрывало тумана в долине быстро рвалось на отдельные комки, которые медленно таяли под беспощадными лучами. Мир двигался своим чередом, мир выполнял замысел, мир подчинялся Дао.

И только свист вертолетной турбины казался чем-то инородным, разрушающим связи во Вселенной.

В вертолет майор обычно заходил последним. Так было и в этот раз. Он уже поставил правую ногу на лесенку, когда заметил в траве, разбросанной мощными потоками ветра от вращающегося над головой винта, что-то маленькое и блестящее. Ли Ханьфанг не понял, что это было. Но вещица смотрелась столь чужеродно в этой дикой местности, брошенной людьми почти два года назад, что майор не удержался и подобрал ее. Рассмотреть это он успеет и позже.

А теперь нужно вернуться на базу, принять душ и лететь в другое место. Теперь уже самому, без бойцов. Пришло время вернуться к тому самому заданию, о котором поведал ему генерал Ши за закрытыми дверями своего кабинета. Возможно, так лишь казалось, но майор каким-то шестым чувством ощущал, что близок к тому, чтобы найти ответ на вопрос, который так и не сумел задать ему генерал.

Двумя днями раньше он ошибся. В этом не было вины майора, лишь дело случая. Но в этот раз все должно пойти иначе. Отчего-то Ли Ханьфанг был в этом уверен.

Майор посмотрел на горизонт, когда вертолет уже поднялся в воздух. Погода снова начала портиться, небо быстро укутывали плотные свинцовые облака.

Глава 5

За окном убежала вдаль выложенная плиткой дорожка с красивым, отлично ухоженным газоном посередине. Пятьдесят метров ненормально пустого пространства, которое казалось инородным в этой стране, кишасшей людьми, словно унитаза бактериями. Насладиться привычными видами толпы, столь плотной, что казалось странным, как людям вообще удается двигаться, можно было тут же, не отходя от окна. Достаточно поднять взгляд чуть выше и взглянуть за пределы двора, огороженного красивой кованой решеткой, к которой на всякий случай подведено электричество. Прецеденты уже бывали: когда город вздрогнул от первых толчков, ни орущая что есть сил охрана, ни быстро захлебнувшиеся «ревуны» на воротах не смогли остановить обезумевшую, прущую на огороженную территорию толпу. Чего они тогда хотели? Скорее всего, бегущие вперед люди и сами этого не знали. Толпа – безмозглое создание, требующее лишь одного: движения.

Генерал Абхай Лал оторвался от лицемерия двора и задернул штору. С некоторых пор он плохо выносил толпу. Странно, но раньше он такого за собой не замечал. Да и было бы удивительно – всю жизнь он прожил в Индии, где обитала почти половина населения земного шара.

Во время аварии на Станции Гималаи потрянуло основательно, ответной волной вздрогнул Индостан. Количество жертв никто не считал – и так было ясно, что погибших больше миллиарда. В те дни трупы сгружали бульдозерами, посыпая чем-нибудь горючим. Вечерами над смердящими пустырями, в которые превратились многие городки северной Индии, робко тлели огромные погребальные костры. Горючего не хватало не только для того, чтобы сжечь трупы – большинство тел не успевали даже обгореть. А назавтра огромные карьерные грузовики привозили новый груз и бульдозеры, забрызганные гниющими ошметками грязно-красного цвета, продолжали свой скорбный труд.

Абхай Лал почувствовал, как к горлу подкатывает ком, а нос начинает ощущать не существующий теперь смрад. Нет, от такого зрелища избавиться невозможно. И запах – призрак запаха – будет преследовать его до конца дней.

С тех самых пор генерал и возненавидел толпу. Теперь толпа была для него горой трупов, кучей гнилого мяса, которое его солдаты не смогли достойно проводить в последний путь.

Особым указом было запрещено предавать останки погибших водам Ганга – священная река не справилась бы с подобным кошмаром. Она и так не справлялась: понятно, что внимание на указ обращали далеко не все, и эпидемии по берегам великой реки продолжались до сих пор.

И все равно людей оставалось слишком много. Европейцы, непривычные к подобному столпотворению на улицах, могли бы решить, что в Дели сегодня какой-то большой праздник. Но для Индии это была обычная ситуация – людей много, места на всех не хватает.

Генерал вернулся к делам. В памяти личного коммуникатора, лежащего на столе, его дожидались два отчета. Один из химической лаборатории госбезопасности, второй – от машинистов. Оба с грифом «Совершенно секретно».

Абхай Лал не был ученым и мало что понимал в предоставленных выкладках. От него и не требовалось предельного понимания научных тонкостей. От него – руководителя Национальной Безопасности – ждали верных решений. Он должен решить, что со всем этим делать.

Палец генерала, скользнув по сенсорному экрану привычным жестом, перевернул страницу. Снова формулы, какие-то непонятные значки и короткие текстовые заметки. Генерал Лал знал, что это означает, ему рассказывали. На самом деле кое-что он знал даже лучше тех, кто досконально разбирался в научных изысканиях – Абхай Лал лично пробовал голубой

порошок со странным бенгальским названием «джяду гумра». Еще до того, как им заинтересовались ученые из госбезопасности.

А теперь он читал этот вот отчет. И чувствовал, как, несмотря на жару, по спине пробегает холодок.

Странно, но никаких из описанных в документе симптомов Абхай Лал до сих пор у себя не отмечал. Или все дело в том, что он нашел в себе силы вовремя остановиться? Хорошо, если так. Однако, если верить полученным учеными результатам, доза и длительность применения вещества, содержащегося в «джяду гумра», большого значения на имели. Данных явно не хватало, это ученые признавали. Они хотели продолжить изыскания, а для этого был нужен исходный материал. Который так и не удалось найти.

– Великий Вишну, – только и смог пробормотать генерал.

Лал доверял людям, пишущим для него отчеты. У него не было никаких сомнений в истинности каждого слова, написанного здесь. Вместе с тем генерал хорошо знал и уважал Традицию своих предков. И то, что было написано в отчете по «джяду гумра», слишком походило на то, о чем говорили древние тексты Традиции.

Сомневался ли он в трактатах, написанных во времена, когда ни христианского Иисуса, ни исламского Мухаммеда еще не было даже в проекте? Сами Веды настаивали, что существующий порядок пребывал в мире всегда, он не начинался, как утверждают адепты других Традиций, и никогда не закончится. То, что происходило сейчас, та Катастрофа, или Инцидент, или Перерождение, как называли его последователи изменника истинной веры Сиддхардхи Гаутамы, провозгласившего себя Буддой, вполне вписывалось в картину мира, которую описывали древние тексты. Дрожь, что пронеслась по поверхности планеты два года назад, слишком походила на начало Пралайи¹ – момента, когда существующая ныне Вселенная сольется с Великим Абсолютом.

Но было ли там место голубоватому порошку, «джяду гумра»? Или его место только в брэнной жизни людей, в бессмысленной проекции Брахмана², являющейся лишь мимолетной мыслью или сном Брахмы?

Абхай Лал вызвал Дханпатраю Бхадури – своего первого заместителя, того самого, кто считал необходимым продемонстрировать отчет по «волшебному порошку» самому генералу. Темное породистое лицо, обрамленное аккуратно подстриженной бородой, появилось на экране коммуникатора Лала.

– Да, сагиб? – ответил Бхадури.

– Скажи, Дханпатрая, данные по «джяду гумра» читал кто-нибудь из *посвященных*?

– Полностью отчет видели только вы и я, сагиб. Мне необходимо...

– Нет, – прервал заместителя генерал. – С этим вопросом я разберусь лично. Твоей задачей станет соблюдение абсолютной секретности. Информация не должна выйти за пределы нашего ведомства. Особенно это касается лабораторий. Я так понимаю, в исследованиях принимали участие не только военные структуры.

– Мне необходимо инициировать зачистку?

Горы слегка обжаренного, медленно разлагающегося мяса.

– Нет, – слишком резко ответил Лал. – Только изоляция. И исключить контакты между группами.

– Так точно.

¹ Пралайя – период отсутствия активности Вселенной, согласно индуистской космогонии. Длится 4,32 млрд лет. Каждая Пралайя начинается с уничтожения предшествующей версии Вселенной. По описанию во многом соответствует гипотезе о коллапсе Вселенной и последующем Большом Взрыве.

² Брахман – безличный, индифферентный Абсолют, «душа мира», первооснова всех вещей и феноменов. В индуизме считается, что всё, существующее в мире, равно как и сам мир, является лишь проекцией Брахмана и не существует на самом деле. Не путать с *брахманом*. Брахман-Абсолют всегда пишется с заглавной буквы.

– Это временная мера. Пока мы не разберемся во всем досконально.

Бхадури кивнул и исчез с экрана.

Оставался еще один текст, загруженный в коммуникатор первым заместителем. Столь же удивительный и неожиданный. В нем не было ничего мистического. Но так могло показаться только на первый взгляд. Генерал Лал придерживался иного мнения. Или это все усталость, накопленная за последний, выдавшийся очень непростым год?

Второй отчет, написанный корявым, малопонятным нормальному человеку языком, был детищем машинистов. Об этом можно было догадаться по стилю, не обращая внимания на специфическую терминологию.

А терминологии во втором отчете тоже было много. Никакого пафоса в написанных строках, но из каждой буквы веяло нетерпеливостью и восторгом, с которым создавался документ.

Генерал так до конца и не понял, что же обнаружили машинисты, но он верил в важность находки. Не было нужды глубоко вчитываться в выкладки и расчеты, чтобы понять всю важность, хватило одного слова, которое Абхай Лал встретил на страницах отчета уже несколько раз, – Станция. Вне всякого сомнения, это лишь предположения. Машинисты и не настаивали на стопроцентной точности расчетов. Но если написанное соответствовало действительности хотя бы наполовину... да хотя бы на пятую часть, это стоило многого. Даже...

Нет, к принятию военных мер генерал готов не был. Слишком уж живым оставался в памяти Лала образ бульдозеров, разгребających тонны гниющей человеческой плоти.

И главное, о чем генерал раздумывал с того момента, как дочитал отчеты, – он был почти уверен, что между этими на первый взгляд совершенно не связанными событиями есть что-то общее.

Генерал, используя «балалайку», отправил приказ слуге, находящемуся в подсобке около его кабинета. Спустя несколько минут тот появился, неся на серебряном подносе чашечку замечательного душистого кофе.

Как звали сегодняшнего слугу, Лал не знал. Ему было неинтересно. Маленький тщедушный человек был из шудров³ и знал свое место. Завтра на его посту может оказаться другой, подобный ему, а проверять надежность слуг не входило в обязанности генерала. Этим занимались подчиненные из его ведомства, и своим кшатриям Лал доверял полностью.

Тонкий аромат достиг ноздрей, побуждая тело к действию, а голову к размышлению. Но, прежде чем приступить к работе в полную силу, можно потратить несколько благословенных мгновений на общение с дивным напитком, приготовленным из настоящих кофейных зерен. К счастью, у арабов оставались запасы настоящего кофе – разумеется, это были запасы. Хотя аравийцы и утверждали, что кофе свежий, только что привезенный из Африки, Лал в это не верил. Африка теперь стала почти недосыгаемой. И уж точно не тем местом, куда стоит соваться даже ради такого замечательного кофе.

Генерал раздумывал, кого можно направить в Нейпидо. Грубые, бесцеремонные методы результата не дадут, это стоило понимать. Поэтому нет нужды отправлять в Мьянму военных или силовиков из собственного ведомства. Сейчас нужен разговор, а не активные действия.

Лал перебирал в памяти кандидатуры, оставаясь недовольным каждой. Отметая очередного кандидата, он неприязненно морщился и спешил запить неудовольствие глотком кофе. Вскоре напиток закончился.

Другого варианта Абхай Лал не видел. Тем более...

Тем более что это дело могло принести большие дивиденды. Настолько большие, что пока он не мог даже представить их размер. Значит, ехать в Мьянму придется самому.

³ Шудра – сословие крестьян и ремесленников. В каком-то смысле их можно назвать «простолоудинами», однако и среди шудров встречаются довольно крупные землевладельцы.

Глава 6

– Ты смотрел содержимое файла?

Мыш уже успел привыкнуть к странной манере общения своего нынешнего заказчика. Безликий Призрак часто оставлял без внимания само выполнение задания и шепетильно выспрашивал какие-то совершенно незначимые мелочи. Незначимые для ломщика – не стоило считать своего покровителя идиотом, причину собственных интересов он наверняка знал. Но все же Безликий Призрак был очень... как бы это выразиться... эксцентричным клиентом.

– Внедрение прошло успешно, исходный файл заменен. В данной операции я даю сто-процентную гарантию, что обнаружить факт внедрения теперь невозможно. – Все-таки Мыш привык отчитываться в выполнении задания, в чем не смог себе отказать и на этот раз.

Но Безликий Призрак молчал. Черная клякса плясала перед взором ломщика, то отдаляясь чуть не до уровня горизонта, то наплывая вперед, перекрывая все поле зрения. Он ждал ответа на свой вопрос.

Разумеется, Мыш смотрел файл. Он бы посмотрел его в любом случае, даже если бы Призрак и не стал предлагать этого. Мыш успокаивал себя, считая, что сделал это для дела. Чтобы правильно провести внедрение и не облажаться с подсчетом контрольной суммы, не проколоться на каком-нибудь нестандартном кодировании. Но все это чушь – он смотрел файл, потому что ему было интересно. Открыл из любопытства. Начал читать, изучать программную оболочку. Потом попробовал запустить куски кода в режиме эмуляции.

Он провозился с файлом Безликого до самого вечера, чуть не пропустил назначенное время внедрения. Его увлекло, затянуло, заворожило.

И самое главное – он ни черта не понял, для чего *это* было нужно. Никакого смысла, только длинные ветвящиеся алгоритмы, быстро умножающиеся до таких пределов, что даже самый быстрый «поплавок» не справится с подсчетом окончательного результата. Да и подразумевался ли результат, Мыш тоже не понял.

Четко ломщик уяснил одно: если попытаться расколоть подброшенный Безликим Призраком алгоритм с помощью тройцы Сорок Два, то запасов «синдина» не хватит. Даже если предположить, что хватит мозгов выдержать передоз.

– Очень интересная структура, – осторожно охарактеризовал программу Призрака Мыш. Черное облако противно забулькало.

– И больше ты ничего не можешь сказать по этому поводу?

– Объясните, для чего вы это делаете? – не удержался ломщик.

– Ты всегда задаешь подобные вопросы заказчику?

Конечно, он прав. Заказчик заказывает, ломщик выполняет. За деньги или... или по принуждению, когда нет возможности отказаться. Иногда просто из бравады или за идею... Из идиотизма, как называл это Мыш. Только идиот будет ломать что-то за идею. За идею нужно создавать, а не рушить. Взлом – это работа, ничего более.

Но Безликий Призрак хотел сделать для Мыша из работы нечто большее. Или он ошибался и Безликий Призрак лишь странноватый эксцентричный заказчик?

– Это вирус? – Мыш помнил, что уже задавал этот вопрос на прошлом сеансе связи. Но Безликий хотел продолжения разговора, а иных предположений у ломщика не было.

Существовал разряд простых, старых как мир вирусов. Обезвредить их было сущим пустяком, для этого не требовалось ни особых умений, ни огромных материальных ресурсов. Все, что нужно, – просто заметить наличие вируса. Подобные вирусы не имели каких-либо хитростей, граничащих с мистикой, как печально известный р-вирус. Эти программы тупо грузили бессмысленными задачами процессор и гоняли его до тех пор, пока «железо» не откинет концы. Или пока простейшая антивирусная программа не оборвет паразитический алгоритм.

– Мы не занимаемся взломом... – начал Призрак, но Мышь прервал его, закончив набившую оскомину фразу:

– Мы меняем мир. Думаю, вы не станете спорить, что р-вирус принял самое непосредственное участие в изменении мира? В свое время.

Молчание Безликого длилось немного дольше, чем обычно во время разговора. Что сейчас происходит в сети, какие серверы подключаются и отключаются в той цепи, в которой заблудилась пущенная ломщиком нить Ариадны? А ведь Призрак никак не отреагировал на сумасбродную попытку Мыша найти его. Настолько уверен в собственных силах или он ждал подобной реакции ломщика?

Странный заказчик. Очень странный – уровень защиты Призрака говорил о столь больших возможностях, что становилось непонятным, для чего ему понадобилось нанимать Мыша. Пусть одаренного и умелого ломщика, но сильно ограниченного в возможностях и не имеющего особой популярности в современной сети. Вернее, в тех обрывках, что от нее на сегодня остались.

– Мне нравится, как ты мыслишь, – наконец вымолвил Безликий и тут же поправился: – Мне нравится то, что ты мыслишь. С некоторых пор это стало редкостью среди людей, имеющих отношение к Цифре.

– Я никогда не был тритоном.

Возможно, это была информация, которую Призраку знать не стоило. Но Мышь не любил тритонов, ему были ненавистны эти жалкие сморчки, убившие настоящую веру. Умертвившие надежду на приближение Эпохи Цифры. И он не мог позволить, чтобы кто-нибудь хоть краем мысли допустил, что Мышь имеет к тритонам какое-то отношение.

– Тебе неприятен этот разговор?

Да, черт возьми, ему неприятен этот разговор! И еще этот разговор ему был непонятен – что затеял Безликий гад?! В конце концов, Мышь нанимался к Призраку ломщиком, а не девкой в постель, чтобы изливать тут душу по первому требованию.

– Какие еще действия требуются от меня? – тихим, лишенным эмоций голосом пробормотал ломщик.

В защищенном канале сетевого соединения, каждый из абонентов которого прилагал максимум усилий, чтобы спрятать свое местонахождение, повисла тишина. Полное отсутствие звуков. Лучшим эпитетом воцарившегося безмолвия было бы слово «мертвая». Дергающаяся в конвульсиях чернильная клякса создавала иллюзию чего-то чужеродно-техногенного, наподобие треска реликтового излучения космоса. Но уши ничего не слышали.

Мышь смотрел на мерцающую темноту внутри Безликого Призрака и думал, что заданный вопрос, вероятно, станет последним в этом деле. Ответ на него напрашивался сам собой – никакие. Спрос давно превышал предложение, недовольные никому не нужны.

Мышь вспоминал день, когда сеть на мгновение стала его собственностью. На короткий миг, за который ломщик успел испытать настоящее блаженство.

Блаженство единения с истинным миром – миром Цифры, а не упоение собственной разрушительной силой, сметающей любые сетевые заслоны. Блаженство созидания, блаженство сосуществования.

Но блаженство никогда не раздают просто так, даром. К нему всегда прилагаются боль и страдания, страх и ужас, чувство ничтожности и унижение. В веках помнят лишь мучеников, когда дверь открывается легко, запоминают только дверь, а не того, кто ее открыл. Людские умы будоражат страдания ближнего. И умиротворяет понимание того, что сегодня это произошло не со мной.

Мышь не первый год был ломщиком. В его карьере случались разные ситуации. Сложные и очень сложные. Простое – это для тритонов. У него была постоянная работа, стабильная и хорошо оплачиваемая. Но он захотел большего – кто-то может говорить, что возможности

отказаться не было, но возможность есть всегда, просто иногда не хочется ею пользоваться. Однажды Мышь поставил на кон все. И до сих пор ломщик не знал: выиграл он или проиграл.

Никаких проблем с деньгами у Мыши не было. Счета в офшорных банках, вложения на подставных и виртуальных лиц. Там хватило бы на несколько жизней, если не шиковать слишком уж сильно.

Глаза ломщика все еще видели размазанное пятно Безликого Призрака, только теперь антрацитовый туман совершал безумную пляску на экране «раллера». Даже на высококачественной биоорганической матрице изображение Безликого не производило того впечатления, которое оставляло общение с ним в виртуальном режиме. Отлично прорисованное чернильное пятно со сложным алгоритмом движения, ничего более. Наверное, именно поэтому Призрак настаивал на обязательности подключения к режиму виртуальности во время сеанса связи – он хотел подавлять собственным величием.

Вокруг изображения Призрака плясали столбцы цифр, чуть ниже – на черном поле моргала красная стрелка, прыгая с точки на точку в запутанной безумным лабиринтом паутине. Программы Мыши работали, плавающая точка его подключения к сети исправно продолжала плавать. Если верить тому, что сообщали разбросанные ломщиком по сети боты, никто даже не пытался вскрыть лабиринт Мыши.

Таймер соединений отсчитывал секунды. Палец застыл над клавишей «enter» – один клик, и соединение оборвется. Сколько времени будет ждать Призрак, ведь Мышь нарушил условие, вышел из виртуальности в момент сеанса связи? Но коннект продолжался, соединяя «раллер» ломщика и незарегистрированный коммуникатор заказчика.

Палец ощущает теплый пластик – теперь только расслабь руку, и все будет кончено. Можно сменить алгоритм сетевого протокола, можно заменить пару схем в «раллере» – его не найдут никогда. Можно, в конце концов, не выходить в сеть вовсе – необходимости в подобном заработке нет.

Но есть память. О страшных головных болях, заставляющих с криком просыпаться посреди ночи, пугая тех, кто оказался рядом. О настороженных взглядах, недружелюбно посматривающих на несвеже побритую голову. О моменте, когда кажется, что твое тело пронзило маленькими острыми иглами, и ты готов на все, лишь бы кто-нибудь вытащил из-под кожи терзающие плоть острия, но нельзя даже подать вида, насколько тебе хреново.

Любой нормальный человек, вспомнив, что пришлось пережить благодаря Цифре – всемогущей и безжалостной, – навсегда забыл бы дорогу в царство двоичного кода. Никакая нужда не заставила бы вернуться.

Любой *нормальный* человек... который не верит, что Эпоха Цифры возможна. А Мышь не был нормальным, он был подобен птице, страдающей морской болезнью, – блевал, захлебываясь, но раз за разом прыгал с утеса, чтобы насладиться чувством полета.

Скорее всего, Мышь что-то сказал. Он не заметил, лишь понял, что снова перевел соединение в режим виртуальности.

– Что ты думаешь по поводу алгоритма, который внедрил в базы данных МегаСофта? – ровным, спокойным голосом спросил Призрак.

Да пошел ты со своим алгоритмом!

– Он невыполним, – тихо ответил Мышь.

Кто ты, Безликий Призрак, и какого черта тебе от меня нужно?!

– И все-таки мне интересно твое мнение, к чему бы могло привести решение этого алгоритма? Если предположить, что он выполним. Можешь считать это очередным заданием, думаю, сумма тебя устроит.

В пространстве на мгновение вспыхнуло число, отображающее предложенную сумму, – очень и очень *круглую*. Только что могли решить деньги? Деньги ничего не значат, только Цифра, только полет – даже если очень короткий и ведущий к неминуемой смерти, – может

послужить достойной оплатой. Само задание – это и есть вознаграждение. Призрак поймал его, он понял его слабину.

– Зачем вам? – пробормотали пересохшие губы.

– Ты очень тонко работаешь и умеешь думать. Мы ценим хороших сотрудников, поверь, – как-то не совсем вразумительно объяснил Безликий. – И еще один момент. Ты помнишь разговор о «резонансе», оставляемом в микросхемах «поплавками»?

– Не в схемах, а...

– Это не важно. Если бы я был специалистом по микросхемам, зачем бы мне понадобилось нанимать тебя?

Вопрос риторический, но резонный. Впервые с начала сегодняшнего разговора Мышь почувствовал, что ощущение сюрреалистичности происходящего немного уменьшилось.

– Возьми вот это.

Лохматый черный протуберанец, хищно выпроставшийся из угольного водоворота, оставил перед вздрогнувшим от неожиданности Мышом лист плотной бумаги. На нем красовалось изображение какой-то каббалистической схемы, состоящей из целой прорвы проколотых в листе игольных отверстий, соединенных в сложную структуру завитков и ломаных линий.

– Что это? – не понял ломщик.

– Я хочу, чтобы ты мне это сказал. Как мне объяснили, это чем-то напоминает «резонанс». А ты ведь говорил, что разбираешься в этой штуке.

– Что делать с котировками и отчетами?

– Пока – ничего. Нынешнее задание не требует что-то ломать. Но, думаю, не ошибусь, если предположу, что прямолинейному развлечению туповатых тритонов ты предпочтешь филигранную игру утонченных машинистов. Я видел твои программы, написанные для первого задания. Мне сказали, они весьма изящны. Ты берешься за дело?

Мышь проверил состояние памяти «раллера» – файл Безликого Призрака не скопирован на носители, повелитель ждет согласия, чтобы дать «добро».

Пьянящее чувство полета, мать его.

– Да. Только сроки...

– Я ничего не говорил о сроках. Когда будешь готов к разговору, отправь сообщение на условленный номер. Но я надеюсь на твое чувство меры.

Призрак отключился внезапно, обрубив режим виртуальности. На мгновение Мышь оказался в абсолютной темноте, успев непроизвольно испугаться – даже тренированный к подобным экзерсисам разум ломщика чует в пустоте смерть, а потом органы чувств напомнили расстроенному сознанию, что мир по-прежнему никуда не делся.

Экран «раллера» отображал картинку с изображением «чего-то, похожего на резонанс». Чтобы снять «резонанс» с носителей, необходимо специальное оборудование, очень редкое и дорогое. И нужно знать, что и с чего снимаешь. А еще...

Это только кажется или внизу картинке на самом деле есть какая-то надпись?

Расшифровать можно все, что угодно. Особенно, если те, кто кодировал данные, не слишком старались.

А может, они намеренно создали простой код, который ты сможешь вскрыть за пару минут?

Длинный ряд цифр, разделенных точками. Мышь знал, что это такое, подобными последовательностями он пользовался постоянно, когда работал в сети. Путь найти не так уж и сложно, трудней определить, где это место располагается физически. Только ведь ничего невозможного нет. Пальцы привычно порхали по клавишам, Мышь снова ощутил власть Цифры: воистину ничего невозможного нет.

Ломщик медленно обернулся. За спиной убежал к потолку все тот же неровный столб из тихо гудящих серверов, весело перемигивающихся огоньками светодиодов.

Говоришь, клиент попался эксцентричный?

Руки Мыша аккуратно сняли три металлических ящика со стеллажа, чтобы добраться до четвертого. Потом обязательно надо вернуть все на место. И за переднюю панельку не надо хватать – там пыль, на ней слишком заметные следы останутся. Да, и вот еще одна вещь... хотя с этим нужно решать потом, когда все прояснится.

Мыш аккуратно отщелкнул крышку нужного сервера, а в голове гулким эхом стучала только одна мысль: когда это он говорил Призраку, что разбирается в «резонансах»?

Глава 7

Марш-бросок продолжался вторые сутки. По жаре, проваливаясь в размокшую подстилку тропических джунглей чуть не по колено. Вонь стояла страшная – сверху смердело от вспотевших под тяжестью экипировки и деталей оборудования тел, а снизу витали испарения чавкающего гниющего болота, в которое очень быстро превращалась спрессованная палая листва. В черной волокнистой грязи копошились какие-то твари, названия которых Окоёмов не мог и предположить. Что эти твари могли сотворить с организмом, не хотелось даже думать – скорее всего, ничего хорошего они не планировали.

Окоёмов не жаловался. Конечно, он вел разговоры с остальными бойцами, ворчащими по поводу оборудования, которое приходилось нести на себе. Их праведный гнев сводился к тому, что они нанимались охранять и вести боевые действия, если понадобится, а их вот уже третью неделю используют, как вьючных животных. Они были правы – пока не сделано ни одного выстрела в сторону предполагаемого противника. Да и самого противника в этих богами забытых джунглях, похоже, не существовало.

Но Василий принимал тяготы походной жизни если не с радостью, то, как минимум, с тупой покорностью. Неподъемный ящик, продавивший в спине две растертые вмятины размером с ладонь, радости не добавлял, но помогал забыть хотя бы на время о том, что потеряно.

До Катастрофы жизнь Василия Окоёмова имела смысл. Само его существование имело цель и значение. Но в тот день, когда планета вздрогнула волной судорог, перекроив за несколько дней карту мира, все потеряло смысл. Он застрял в этом захолустье. Можно было уехать, пробраться на один из кораблей, которые отправлялись из наскоро выстроенного порта на юге, добраться до Европы или Америки. Но что дальше? Что ждало там, за океаном, Василия Окоёмова? И как справиться с сомнением, терзающим его пропащую душу?

Василий поднял глаза, оторвавшись от лицезрения грязного месива под ногами, и понял, что недавнее увлечение снова дает о себе знать – перед глазами все поплыло и подернулось пеленой. Джунгли сделались как будто ненастоящими, листья, бесшумно бьющие по лицу, стали холодными и неживыми, какими-то пластиковыми, разговоры наемников превратились в едва различаемый рокот, прилетающий из параллельных пространств.

Это была весточка от «джяду гумра», «волшебный порошок» никак не желал оставить мозг Окоёмова.

Руки, предательски задрожав, ослабли. Он едва мог удерживать вес сползшего на бок контейнера. Ноги подкашивались и, казалось, ступали не по земле, а по вдруг уплотнившемуся, загустевшему воздуху.

– Эй, четырнадцатый, ты в порядке? – кажется, это был восьмой. Вездесущий, лезущий во все дырки восьмой. Ну какое ему дело до Окоёмова?

– В порядке, – не разжимая зубов, процедил Василий.

Во рту накопилась слюна. Вязкая и горькая, словно хина. Густая жгучая жидкость выплеснулась наружу, разъедая губы и подбородок. Окоёмов вытер рот тыльной стороной ладони – рука оказалась измазанной черной тягучей слизью.

– Стой, парень!

Снова восьмой. Ну что ему нейдет? Все равно он ничем не поможет.

– Отстань, все в порядке, – отмахнулся Окоёмов, забрызгав негра черной слизью.

– Стой, стой.

Восьмой отцепил ляжки, удерживающие контейнер на спине, и сбросил свою ношу в грязь.

– Остановись же! У тебя кровь изо рта хлещет.

Кровь?! Окоёмов пошевелил языком, нащупав глубокую рваную рану на щеке. Оттуда сочилось соленое с железным привкусом. Действительно, кровь – видимо, не заметив как, он прокусил себе щеку. Но откуда же черное? Василий посмотрел на руку. Нет, там было красное, уже начавшее подсыхать и коричневеть, перемешанное со слюной. Зелень джунглей, пульсируя, медленно проступала сквозь пелену ненастоящего пластикового мира. Разум Окоёмова нехотя возвращался в реальность.

Василий знал, что означают эти приступы. Он видел других людей, которые не нашли силы отказаться от «джяду гумра», и знал, куда ведет этот «пластиковый» мир. Пока ему удавалось удержаться здесь, в мире реальном, но кто знает, чем все это может закончиться?

Выход существовал только один – занять себя каким-то делом, чем-то трудным. Нести контейнер было тяжело, но здесь Окоёмов допустил ошибку: работали только мускулы, мозги отдыхали. Нельзя давать сознанию отдых, ни на секунду. Нельзя.

Стоит только дать волю разуму, и внутри неизбежно начинает зарождаться гадкое давящее чувство, будто все вокруг идет не так, как должно, не так, как планировалось. И мир здесь совсем ни при чем, проблема внутри – он, Окоёмов, должен служить тому, во что верил, но вот веры в нем не осталось. Хотелось быть полезным, только пользу приносить было некому, утратилась связь с реальностью.

– Все в порядке, восьмой, – сплевывая кровь, пробормотал Окоёмов. – Все в порядке. Спасибо.

– Ты, парень, выглядишь неважно. На вот, хлебни.

Восьмой протянул ему выдавшую виды фляжку. Окоёмов потянул носом – пахло спиртом – и сделал несколько глотков. Пойло у восьмого было еще то, дыхание перехватило мигом.

– Что это? – просипел Окоёмов. Он не был уверен, что стоит пить спиртное, но других вариантов все равно не было.

– Виски. Собственного изготовления. Уверен, что можешь идти дальше?

Окоёмов усмехнулся.

– А есть варианты?

Восьмой развел руками – вариантов не было, ждать, пока четырнадцатый очухается, никто не будет.

– Давай помогу коробку навьючить, – предложил Василий, поднимая успевший погрузиться сантиметров на десять в липкую грязь контейнер.

– Ты прав – Лейтенант не одобрит остановки. Еще пристрелит, чего доброго, – закрепляя свою ношу, сказал восьмой.

– С него станется.

Лейтенант не появлялся уже второй день. Исчез сразу после того, как собрали оборудование. За время похода это исчезновение командира было не первым. Лейтенант то и дело уходил вперед с кем-то из ученых – или кем там были эти хмыри, ради которых все затевалось? – отставал от группы, задерживаясь у предыдущего места базирования. Где он бывал в это время, Окоёмов не знал.

– Восьмой, четырнадцатый! – послышался голос Лейтенанта. Легок на помине. Голос спокойный и безжизненный, как обычно. – Привал объявлен не был.

– Так точно, – вяло отозвался восьмой и, бросив на Окоёмова полный тоски взгляд, побрел вперед, догонять успевшую скрыться в густой листве группу.

Именно в этот момент с неба и упали первые капли.

– Поторапливайтесь. Погода портится, – сообщил Лейтенант.

– Далеко нам еще? – поинтересовался Окоёмов, хотя заранее знал ответ.

– Я скажу, когда остановиться, – Лейтенант не стал оригинальничать.

Невысокий командир со странной внешностью был чем-то недоволен. Нет, ни в голосе, ни в выражении лица ничего не изменилось – все то же непроницаемое спокойствие. Но он был недоволен, Окоёмов чувствовал это каким-то мифическим шестым чувством, ощущал всей поверхностью кожи. От Лейтенанта веяло... а черт его знает, чем от него веяло, только веяние это не сулило группе ничего хорошего.

– Видал? – спросил восьмой, когда Окоёмов нагнал его на проломанной отрядом тропе.

– Ты тоже заметил?

– Конечно. Злой, как обычно. Зыркает туда-сюда. И где его, интересно, черти носили два дня? Как думаешь?

Окоёмов пожал плечами. Нет, восьмой не заметил перемены в Лейтенанте. Не «как обычно» он был, что-то новое появилось во взгляде этого каменного человека. Вот знать бы – что.

– Не знаю.

– И не боится оставлять нас без присмотра.

– Куда мы отсюда денемся?

– И то верно.

– Разве что восемнадцатая тебе оторвет чего, отбившись от присмотра Лейтенанта.

Окоёмов хмыкнул и ткнул бойца локтем в бок. Восьмой соорудил недовольную мину, но отвечать не стал.

Дождь усиливался с каждой минутой. Совсем скоро грязь под ногами превратилась в набирающий интенсивность мутный поток, несущийся вниз, к подножию этих нескончаемых гор. Идти становилось все трудней.

– Далеко еще до привала?! – крикнул кто-то из авангарда.

Лейтенант тут же появился, словно материализовавшись прямо из листьев. Он внимательно разглядывал показания прибора, подобно часам надетого на запястье левой руки. Лейтенант идиотом не был – ему, конечно, плевать на неудобства бойцов, но он прекрасно понимал, что по такой погоде отряд далеко не уйдет.

– Четыре километра, – сообщил командир. – Погода портится, на нас движется тайфун. Но нужно успеть. Пока не дойдем до точки – привала не будет.

Кто-то демонстративно застонал.

Лейтенант куда-то спешил. И не был уверен, что успеет добраться в срок. Он уже второй раз за сегодня сетовал на погоду, что делал на памяти Окоёмова вообще впервые. Похоже, человек-скала дал трещину – Лейтенант нервничал.

Последние четыре километра пути стали настоящим подвигом. Подстилка джунглей раскисла окончательно, потоки воды скатывались в ущелье, мешая идти. Облачность стала настолько плотной, что под кронами деревьев сделалось темно.

Когда Лейтенант отдал команду «Стой!» – темно стало уже совершенно, так как день подошел к концу. Но перевести дух было не суждено – поступил приказ монтировать оборудование.

Что и как монтировать, знали только хмыри. Тоже злые и недовольные, ученые орали, старались перекричать шум дождя, отдавая указания. Четверых бойцов Лейтенант выставил в охранение, остальные таскали узлы уже знакомой импакт-установки и какие-то другие, пока непонятные детали.

– Какого черта здесь происходит, как думаешь? – спросил восьмой Окоёмова.

Василий не знал. Не мог даже предположить.

– Мне не нравится, что Лейтенант охранение выставил, – сказал он.

– Он всегда его выставляет.

– От кого? Здесь непроходимые джунгли, никого нет.

– Откуда мне знать – так положено. Восемнадцатая внимательно следит, чтоб тебе жопу не отстрелили. Так что не переживай – ты же сам говорил, что девка отлично стреляет.

– Только на нее и надеюсь, – пошутил Окоёмов. Но ему не было смешно. – Мне кажется, скоро может представиться случай пострелять.

– Ты не рад?

Окоёмов посмотрел на товарища, но в темноте не разобрал выражения лица – он шутит или всерьез?

– Всем отойти от импакт-установки на безопасное расстояние. Оружие держать наготове, – послышался в наушнике рации голос Лейтенанта.

– Ну вот, началось, – пробормотал Окоёмов и поспешил укрыться среди деревьев.

Импакт-установка ухнула, земля вздрогнула, сбросив с листьев наверху целый водопад брызг. Из темноты что-то кричали, кто-то ругался, требуя сделать еще один удар. Потом недовольный голос затих, сказав несколько слов по-китайски.

Оттуда, где стояла импакт-установка, появился Лейтенант. Мрачный, как тучи на небе. Он взглянул на Окоёмова, почему-то задержав взгляд на автомате, висящем на шее бойца, но, так ничего и не сказав, исчез в зарослях.

– Один раз! – послышался из темноты голос Лейтенанта.

Командир говорил не по рации, он кричал, стараясь перекрыть шум дождя. И это ему удавалось – тихому, ни разу не повысившему до того голос.

Окоёмов чувствовал, что его сознание снова заволакивает туман. Что ж такое? Или это из-за усталости и жары, что стояла два дня? Он тряхнул головой, пытаясь отвести морок, но мир, не провалившийся в «пластиковость» окончательно, нормальным становиться отказывался. В наушнике что-то пробормотал голос Лейтенанта, Василий не разобрал слов, только какое-то замедленное «бу-бу-бу». Потом раздался короткий хлесткий удар импакт-установки. Где-то совсем рядом зубодробительно завизжало какое-то другое оборудование ученых хмырей.

– Все-таки они нефть ищут, – голос принадлежал восьмому, но самого бойца Окоёмов не видел.

Когда визг прекратился, впереди, больно резанув по глазам, зажегся яркий, слепящий в темноте свет. И все побежали туда, куда бил луч прожектора.

Окоёмов плохо понимал, что происходит. В наушнике продолжал верещать голос Лейтенанта, но Василий не разобрал ни слова. Он так и не понял – это был результат помрачения его рассудка или просто слишком сильные помехи из-за скопившегося в воздухе электричества.

Воздух разорвали короткие сухие щелчки. Один, другой. Потом последовала целая серия щелчков. Окоёмов не сразу сообразил, что это выстрелы. Кто стреляет, в кого? Он совершенно ничего не понимал. И что говорил Лейтенант – тоже.

Пришел в себя он только через несколько минут. Когда рядом с ним полыхнула молния. Вспышка была столь яркой, что перед глазами долго висело рваное пульсирующее пятно, мешающее рассмотреть происходящее впереди.

Лейтенанта не было слышно из-за помех – в рации хрипело и свистело на разные голоса. Оказалось, что Окоёмов тоже бежал вместе со всеми, его припадок остался незамеченным. Сколько прошло времени с тех пор, как он перестал нормально воспринимать окружающее, сказать трудно, но, скорее всего, не так уж много.

Грохотать продолжало, Окоёмов по-прежнему видел вспышки молний, но дождь не шел. Не потому, что закончился – они все осторожно пробирались по какому-то узкому темному коридору. Они больше не были среди джунглей.

Справа и слева плясали маленькие островки света, выхватывая из тьмы какие-то непонятные конструкции, провода и пыль. Целые клочья пыли и ковры паутины. Окоёмов снял

с пояса фонарь и пристегнул его к автомату. Теперь и его оружие бросало в темноту пучок яркого света, идти стало легче.

Справа, из-за тянущихся впереди стеллажей, послышался голос восьмого. Окоёмов не разобрал слов. Решил, будто снова подкатывает морок, но вовремя понял, что мешает треск в наушнике рации. Он выдернул бесполезный гаджет из уха, засунув его в карман.

– Что это такое? – прошептал Окоёмов.

– Откуда я знаю?

– А ты говорил – нефть.

– Так ведь они бурили. А провалились сюда.

– Какой прок так спешить при поисках нефти? Что мы здесь делаем?

– Не знаю, – повторил восьмой.

Похоже, Окоёмов упустил не так уж много информации. Да и упустил ли? Ведь он брел по коридорам вдруг открывшегося среди девственного леса подземелья вместе с остальными, хоть и не помнит приказа.

– Где Лейтенант?

– Пошел вперед.

– А кто стрелял? Ты видел?

– Наши. Ребятам показалось...

Значит, показалось. Окоёмов повел стволом, освещая странные металлические коробки, расставленные на алюминиевых стеллажах. Коробки были опутаны пучками проводов, на некоторых даже светились тусклые, едва заметные за слоем покрывавшей их пыли светодиоды. Где-то попадались оплетенные паутиной клавиатуры. Где-то...

Стоп! Светодиоды горели! Значит, здесь было электричество. Здесь – в чаще, в нетронутых джунглях! Нет, нефть тут совершенно ни при чем. Именно это место и искал Лейтенант. А сейчас он ушел вперед.

– Восьмой, у тебя рация работает?

– Нет. Еще наверху сдохла.

– Где остальные?

– Одиннадцатый здесь, недалеко от меня. Остальные – не знаю, где-то в глубине подземелья.

– Нехорошо, – констатировал Окоёмов.

– Что плохо?

Но Василий не ответил. Он внимательно рассматривал все, что удавалось выхватить из небытия узкому пучку света фонарика. Подземелье, судя по всему, не особенно большое. Стены, пол, потолок – все бетонное, наверняка укрепленное. Для этого и понадобилось бурить, иначе сюда было не попасть. Хотя должен же быть вход? Но кого они здесь ищут?

На всем, что попадалось глазу, лежала вековая пыль. Но внимательный взгляд мог найти маленькие несоответствия – то тут покосилась потревоженная кем-то паутина, то в другом месте на проводах появлялись маленькие неровности в слое пыли. Здесь определенно кто-то был до них. Или бывал. И этот кто-то очень старался, чтобы не оставить следов. Стало быть, Лейтенант был абсолютно прав, приказав держать оружие наготове. Да, теперь Окоёмов вспомнил – такой приказ действительно был.

– Рации не работают. Плохо – не перестрелять бы друг друга, – сказал Василий.

– Здесь нет никого, – уверенно заявил восьмой и шумно прислонился к стеллажу, опустив ствол автомата в пол. С ящиков посыпалась пыль.

– Всем покинуть объект, – это был голос Лейтенанта. – И ничего не трогать!

Командир был где-то впереди и слева от того коридора, по которому шел Окоёмов. Там, откуда доносился голос, было темно.

– Опять под дождь, – пробурчал восьмой.

– Лучше уж дождь, чем в пыли, – ответил Окоёмов. Не нравилось ему это место. От него веяло опасностью.

Пролом оказался узким. Как протискивался сквозь это бутылочное горлышко внутрь, Окоёмов не помнил совершенно, но чтобы попасть наружу, пришлось изрядно попотеть.

Перед дырой стояли хмыри, рожи у всех озабоченные. Двое из них в руках держали «раллеры» военного образца в непромокаемых корпусах, по экранам бежали какие-то цифры, конвульсивно дергались графики. Четвертый с энтузиазмом распинался перед хмырями на предмет того, что в подземелье чисто, можно спускаться. Как только из норы вылез последний боец, один из хмырей тут же нырнул туда, неловко, мешком свалившись вниз.

Глава 8

Ая Сигаи уже второй час сосредоточенно вычерчивал что-то на огромном листе бумаги, лежащем прямо на полу. Ая пользовался карандашом, линейкой и портативным коммуникатором. Времена, когда астрологи вели расчеты, сверяясь с тем, что увидели собственными глазами, давно прошли. Простенькие программы, загруженные в коммуникатор, выдавали положение любого светила с точностью до долей секунды в любом обозримом временном промежутке, так что корпеть над письменами, предварительно всматриваясь в знаки на небесной тверди, не было никакой необходимости. Но создавать карту прогноза Ая Сигаи все-таки предпочитал на бумаге. Компьютеры слишком точны, в них нет влияния божественных сил. Рука может дрогнуть, но любым движением, совершаемым каждой живой тварью здесь, в Среднем мире, управляют Боги. Об этом не стоило забывать – не всегда важна именно точность. Как говорят европейцы, точность – вежливость королей. А не Богов.

Жаль, не было возможности использовать все, что мог дать коммуникатор – соединение с сетью производилось строго по часам через специальный, контролируемый машинистами правительства канал. Исключения не делались даже для правительственного астролога. На самом деле проблема была не в строгости нравов, а в проблемах с сетью. Цифровые технологии так и не стали в Мьянме общедоступными, а после Перерождения и вовсе почти исчезли.

Ая работал не покладая рук. Он вычерчивал схемы ежедневно, иногда на создание очередной карты уходило больше недели, но пока никакой ясности главный астролог Мьянмы внести не мог.

Райн Тайн, внимательно следивший за работой астролога, неудовлетворенно покачал головой и отошел к окну. На подоконнике, покрытом следами плесени, медленно расплывалась прозрачная лужица. Дождь шел уже четвертые сутки, но тайфун, пошумев над Нейпидо, унесся на север. Скоро стихия должна успокоиться, это было ясно и без расчетов Ая.

– Что у тебя получается? – спросил Президент, не отрывая взгляда от быстро бегущих по стеклу струй.

Ая Сигаи прохрипел что-то нечленораздельное. Райн Тайн и сам понимал, что ничего хорошего. Никакого просвета в политике, никакого – в экономике. И даже звезды отказывались показывать направление, где можно найти выход. Мьянма медленно, но надежно умирала. Просто от недостатка денег, скатываясь почти в первобытное состояние. Феодализм миновал давно – на самом деле он никогда и не заканчивался на территории Мьянмы, лишь князья сменились коммунистическими лидерами, потом военными, потом демократами. От смены этих названий в стране особенно ничего не менялось.

– Пока звезды молчат, – затравленно сообщил Ая. – Но нынешний прогноз еще не построен.

Райн Тайн махнул рукой и вышел. Столица – небольшой аккуратный городок Нейпидо, куда правительство переехало около века назад, согласуя свои действия с прогнозами лучших астрологов, – превратилась в руины. Во время толчков два года назад были разрушены все здания выше пяти этажей. Да и оставшиеся покосились и растрескались, а производить ремонт было не на что. Поначалу пытались согнать рабочих на восстановление столицы, но что могут восстановить крестьяне с молотками и топорами? Не было материалов, а современные здания бревнами не починишь.

Утром прибыл Абхай Лал – глава индийской госбезопасности. Никаких особенностей цифры или звезды сообщить не смогли, придется импровизировать во время беседы. Встреча через двадцать минут, еще есть время подготовиться.

Лал хотел заполучить производство «джяду гумра» в свои руки. Райн Тайн склонялся к мысли, что руки в данном случае именно свои – ради интересов страны по столь небольшому

вопросу вряд ли станет наносить визит главный безопасник. Тем более что поток «волшебного порошка» практически иссяк и даже на территории Мьянмы, если верить Пту Айну, купить наркотик почти невозможно. Что же такого индусы нашли в «джяду гумра»?

– Здравствуйте, уважаемый генерал!

Райн Тайн сложил руки лодочкой, коснувшись пальцами подбородка, и слегка поклонился. Лал повторил приветствие, приложив пальцы ко лбу, под белой тканью пагри⁴.

– Рад приветствовать вас, господин Президент.

Лал был почти на голову выше Райн Тайна, статный и крупный мужчина. В его гордой осанке чувствовалась военная выправка, запрограммированная, казалось, на генетическом уровне. Узкое лицо с правильными чертами обрамляла аккуратная, тщательно подстриженная темная борода с проседью. Глаза темные, смотрящие спокойно и уверенно из-под чуть изогнутых кверху бровей, что придавало лицу генерала немного зловещий вид.

Переговорщики расположились в креслах – простых, без изысков, хоть и довольно древних. Посетовали на плохую погоду, генерал рассказал о сложностях пути, вызванных тайфуном.

– Вы, конечно же, получили наше послание? – спросил Лал.

– Разумеется, уважаемый генерал. И крайне озабочены обозначенной вами проблемой. Но мои источники утверждают, что торговля зельем идет на спад. Мы можем предполагать, что запасы сырья у наркоторговцев иссякают.

– Однако на нашем рынке наркотиков «джяду гумра» до сих пор в ходу. Правительство Индии весьма озабочено появлением нового опасного вещества. И мы хотели бы пресечь его распространение, так сказать, на корню, пока оборот «джяду гумра» не приобрел промышленные масштабы. В наше тяжелое время мы не можем позволить превратить население страны в полоумных наркоманов, вы же понимаете.

Райн Тайн тяжело вздохнул. Он понимал – если бы генерал знал секрет «джяду гумра», хитрый индийский лис сам бы организовал производство порошка. И плевать он хотел на здоровье нации. Ему нужен контроль. И власть. И, разумеется, деньги. Это нужно всем, и сам Райн Тайн не являлся исключением из правил.

– К сожалению, Мьянма не в силах сегодня планировать масштабные операции по борьбе с наркомафией. Особенно в северных районах, два года назад сильно пострадавших от землетрясений и радиоактивного заражения со стороны Китая.

Лал поморщился. Не то по поводу Поднебесной, не то из-за отказа Райн Тайна.

– Мы были бы рады любой помощи наших соседей, – продолжал Президент. – По некоторым предположениям, именно в северных районах возможно возобновление добычи нефти. Мы крайне заинтересованы в новом освоении северных территорий, но предполагаемые затраты...

Генерал кивал, глядя куда-то за спину Райн Тайна. Похоже, он изучал рисунок, созданный на стекле бегущими вниз каплями дождя.

– Нам необходимы дотации, уважаемый Абхай, – повысив голос, сказал Президент. – Если бы Индия сочла возможным оплатить лицензию на добычу нефти на территории Мьянмы и начать геологоразведку, проблема северных территорий решилась бы гораздо быстрее. Данные мьянманских геологов мы предоставим, равно как и отчеты о перспективах новых месторождений. Они почти готовы.

Лал не переставал кивать. Он быстро перевел взгляд на Райн Тайна. Спокойный изучающий взгляд. Таким тигр смотрит на козу, размышляя, достаточно ли он голоден, чтобы приложить усилия и загрызть добычу, у которой нет сил сопротивляться.

– Вы требуете от нас отступных? – поинтересовался генерал.

⁴ Пагри – традиционный головной убор в Индии. В России обычно его называют чалмой, хотя это неверно.

Райн Тайн чуть не поперхнулся. Он что же, предполагает, что торговля «джяду гумра» находится под контролем мьянманских властей? Или под личным контролем Президента?

– Я предлагаю решение проблемы, – попытался объяснить Райн Тайн, понимая, что еще больше усугубляет ситуацию. – Мы не меньше вас обеспокоены ситуацией на севере. Более того, скажу вам честно, мы вообще плохо знаем, что там происходит. И мы не имели бы особых возражений...

Но Лал не дал ему договорить, каких возражений они не имели.

– Тогда я вам расскажу. Вероятно, вам будет интересно узнать о том, что происходит в *вашей* стране. Пускай и из уст министра сопредельного государства. Ведь так?

Президент почувствовал, что вспотел. Несмотря на то, что в зале, где шли неофициальные переговоры, было довольно прохладно – по случаю визита высокого гостя электричества на кондиционеры не жалели. Разговор заходил в тупик, и Райн Тайн чувствовал себя лягушонком, пытающимся что-то доказать оголодавшей цапле. Да что там говорить – именно таким лягушонком он и был рядом с генералом Лалом. Единственное, чего Президент Тайн не ожидал, это что Лал станет столь явно на это указывать.

– Дело в том – и вы, уважаемый господин Райн, это прекрасно понимаете, – что мы могли бы решить все вопросы, связанные с любым районом, располагающимся на территории Мьянмы. Но нам очень не хочется обидеть соседей. Однако когда соседи забывают, что выбрасывать мусор на соседскую лужайку нехорошо, им приходится напоминать об этом. А иногда и... прибегнуть к более активным действиям.

Разделяй и властвуй. Главное – правильно оценить расстановку сил. И ни в коем случае не переоценить эти силы.

– Представители Поднебесной уже интересовались нашими нефтяными программами... – Райн Тайн с удовольствием напомнил, что китайцы тоже могут иметь свои интересы на территории Мьянмы. И вряд ли допустят, чтобы индусы резвились у самых их границ.

– Представители Поднебесной, как показывают *наши* спутники, вовсю исследуют *ваш* север. В связи с чем мы абсолютно не исключаем, что источником этого зелья являются как раз *наши китайские друзья*, – от количества желчи, вылитой с последней фразой, Райн Тайна прошиб озноб. – Но от этого проблема не перестает быть *вашей*, господин Президент.

– Мы всецело готовы обсудить варианты ее решения. Как я уже упоминал, экономика Мьянмы сегодня не позволяет проводить столь масштабные операции. Мы были бы всецело рады помощи наших индийских друзей.

В Нейпидо не знали подробностей, но о том, что китайские отряды рыщут по джунглям северных провинций, слухи в столицу долетали. Также Райн Тайн знал, что предположительно китайские экспедиции укомплектовывались геологоразведочным оборудованием. Поэтому Президент предполагал, что китайцы купились на его уловку и ищут нефть. Знал он и о том, что поговаривали люди и об индийских командах, прочесывающих девственные леса. Но все это были лишь слухи.

Только чем больше Президент общался с генералом Лалом, тем меньше верил в то, что и китайцы и индусы ищут именно нефть. Что же – источник чудодейственного «джяду гумра»? Но при чем тогда геологическое оборудование?

О точных сведениях по поводу китайцев Лал однозначно врал. Со спутников не рассмотреть, что творится под плотными кронами тропических деревьев. Небольшой отряд, идущий пешком, и вовсе не заметить.

– Скажите, как обстоят у вас дела с сетью? – вдруг резко сменил тему индус. – Особенно в северных территориях.

– Можно сказать, никак, – честно признался Райн Тайн. И уточнил: – Особенно в северных территориях. Вы же знаете политику нашего государства – Мьянма уже много лет почти отрезана от мира. Раньше это было политикой правительства, ныне – изменить не под силу.

В эпоху Нефтяных Войн китайцы предпринимали попытки наладить связь. Но им это быстро надоело – в те времена нефть закончилась. Но теперь времена изменились, возможно, удастся наладить добычу столь необходимого топлива цивилизованными методами.

Лал задумчиво поджал губы, а глаза его словно загорелись. Слова Райн Тайна явно навели его на какую-то мысль. О чем подумал генерал, осталось тайной, единственное, что он сказал, было:

– Не исключено, что вы окажетесь правы.

Все-таки он клюнул!

На лице Райн Тайна появилась неуверенная улыбка.

– Мы будем готовы предоставить предварительные данные по геологоразведке через десять дней, – заявил Президент.

Разумеется, не было никакой геологоразведки и не существовало никаких данных. Но данные будут – правильные, профессионально оформленные данные. К счастью, в Мьянме есть люди, которые способны это сделать.

Райн Тайн рисовал в голове картины индийских вливаний в экономику страны и думал, как подать эту информацию китайцам. Северные соседи тоже должны принять самое активное участие в дележе несуществующей нефти. А если нефть вдруг все же отыщется – это только к лучшему. Главное, чтобы искали обе стороны, между собой они воевать не будут – слишком большие затраты.

– Да, конечно, – кивнул генерал Лал. Он снова рассматривал дождь за окном. – Сколько, вы сказали, стоит лицензия на добычу?

– Это зависит от ваших дальнейших планов, уважаемый генерал.

Лал улыбнулся.

– Пожалуй, мы начнем в районе Кунлона. Подробности, я полагаю, вам лучше обсудить с представителем индийских энергетических компаний. После согласования ваших предварительных данных.

Глава 9

Темнота практически полная, стоящего рядом человека можно заметить только по тяжелому дыханию. Нет, если присмотреться, виден силуэт. Едва-едва, но все-таки виден.

– Здесь? – спросил майор Ли.

– Да. Остаточные метки все еще можно прочесть, – ответил человек, неясный силуэт которого только что рассматривал майор.

Ли Ханьфанг щелкнул выключателем фонарика и направил луч прямо перед собой. Там стояла угловатая металлическая коробка с оторванной кем-то крышкой. Внутри, покрытые лохмотьями пыли, виднелись стройные ряды печатных плат, усеянных черными прямоугольниками микросхем и чипов. Как выглядят «остаточные метки», он не знал, но на последнем сеансе связи с центром сообщили о «возможной временной активации». Скорее всего, оттуда и метки.

– Который из них? – спросил майор.

Стоящий рядом человек теперь был хорошо виден – невысокий мужчина лет сорока, с небольшим брюшком, весь какой-то серый, словно молью побитый. На его лице застыло выражение замешательства. И страха – он боялся, разве что в штаны не надул. В руках мужчина держал закрытый «раллер».

– Не могу сказать, нужно проверить, – сказал машинист и, подняв крышку «раллера», потянулся руками к железному ящику, намереваясь воткнуть в изобилующую интерфейсами боковую панель провод.

– Не так! – зашипел на него Ли Ханьфанг.

Машинист отдернул руку, словно обжегся. Он не знал, что делать.

– Но как тогда?!

– Отключи его сначала.

Ли Ханьфанг ненавидел тупиц. Он терпеть не мог нерешительных, ни на что не годных рохлей, вроде вот этого дерьма, что стояло сейчас рядом. Но судьба постоянно посылала ему именно таких недоумков, проверяя его и привнося в жизнь духкха⁵. Страданий в жизни было хоть отбавляй, но вера учила, как от них избавляться. Сам Будда утверждал, что у всякого страдания есть причина и она может быть устранена. Этот постулат Ли Ханьфанг читил. Потому что он ни разу не подвел. Не подведет и теперь.

Тучный машинист что-то забормотал, пыхтя и отдуваясь. Потом, толкаясь и спотыкаясь, полез к железной коробке. Он выдергивал из нее провода, внимательно сверяясь с данными из своей «балалайки», – указательный палец правой руки выписывал кренделя в пыли, устилающей пол.

– Ну что? – майор видел, что машинист еще не закончил работу, но стоило поторопить увальня.

– Сейчас, пару минут.

Майор достал из нагрудного кармана сигарету – настоящую, из натурального табака – и воткнул обернутый золотом фильтр в рот. Щелкнула зажигалка, в затхлом воздухе появились нотки бензинового аромата. Ли Ханьфанг купил эту зажигалку в Америке, у вудуистов – редкая антикварная вещица, стоящая кучу денег. И продолжающая отправлять деньги на ветер в прямом смысле: одна заправка обходилась в круглую сумму, особенно теперь, после Перерождения. Сигарета зашипела, сизый дымок взметнулся к потолку, и огонек погас.

– Проклятый дождь! – майор шумно выплюнул дорожную сигарету на пол и спрятал зажигалку. – Давай, пошевеливайся!

⁵ Духкха – ниспосланные буддисту богами трудности, которые следует преодолеть.

– Заканчиваю уже, – отозвался машинист, покосившись на затоптанную подошвой майора ценность. – Вот!

Машинист зачем-то повернул «раллер» экраном к Ли Ханьфангу, демонстрируя целый набор графиков и столбцы цифр.

– Что здесь?

– Вот! – машинист кивнул с такой силой, что достал подбородком до груди.

– Который из них? – повторил свой первый вопрос майор.

Машинист поводил над микросхемами дрожащим пальцем, словно собирался угадать перевернутую рубашкой вверх карту, сверился с графиками в «раллере» и без особой, впрочем, уверенности ткнул в небольшой черный квадрат с оранжевыми концентрическими кругами.

– Э-этот, – заикаясь, сообщил машинист и снова кивнул. Его шея издала противный хруст.

Ли Ханьфанг с любопытством во взгляде посмотрел на шею толстяка.

– Остеохондроз, – глупо улыбнувшись, зачем-то объяснил машинист. И добавил: – Только он сейчас неактивен. Но сигнал исходил отсюда. Из этого...

Откуда исходил сигнал и насколько активен остеохондроз машиниста, Ли Ханьфанг не узнал. Во-первых, ему это не было интересно, а во-вторых – потому что шея машиниста захрустела еще раз, теперь уже куда громче. Толстяк крякнул и неуклюже опустился в пыль, накрыв рыхлым размякшим телом железную коробку сервера. Он стал похож на надувную игрушку, из которой выпустили половину воздуха. Глаза, полуприкрытые, неестественно закатились, подбородок словно бы зацепился за правое плечо.

Ну вот и устранен источник сегодняшних страданий. Для медитаций время тоже обязательно придет, но сейчас требовалось решать проблемы быстро и эффективно.

Майор, потянув за мокрые волосы, стащил бездыханное тело с сервера. Черно-оранжевый квадрат был на месте. Ничего примечательного, обычный чип. Во всяком случае, снаружи. Майор Ли аккуратно, стараясь не прикасаться к стенкам металлической коробки и к другим микросхемам, схватил большим и указательным пальцами процессор и потянул его. Чип вышел из гнезда легко, словно его вставляли совсем недавно. Хотя так оно, наверное, и было.

Со всех четырех сторон квадратного процессора торчали тоненькие металлические лапки. На вид – совершенно обычные. Впрочем, Ли Ханьфанг не очень-то разбирался в электронике, его уделом были секретные операции. Вроде нынешней. А с процессором разберутся другие, майор об этом позаботится.

Он спрятал процессор во внутренний карман куртки, раздумывая, стоит ли что-то делать с телом. Пнул ногой тушу, разбросавшую конечности во все стороны, та едва шелохнулась. Нет, слишком тяжелый – уйдет много времени. Да и смысла в этом немного.

Оставалась проблема наверху. Решаемая, но ею необходимо заняться.

Ли Ханьфанг выключил фонарик и, стараясь не задевать наваленное вокруг оборудование, пошел к выходу.

Глава 10

Лабиринты придумали греки. Разумеется, древние. А может, и кто-то до них – еще более древний. Но само слово точно пошло от эллинов, любивших предаваться размышлениям.

Мышь потерял счет времени. Пальцы, не чувствуя пластика клавиш, перепрыгивали с места на место, повинувшись странному, одним им известному ритму. Пляска рук порождала узор из символов на экране. Сами по себе знаки ничего не значили, смыслом их наделяла общность и особое расположение.

То, что писал Мышь, не было программой. Это была игра, развлечение. И вместе с тем машинист работал, создавая из небытия и бессмыслицы хаоса слабых электрических импульсов совершенное творение, указующее точку, где рождалась информация.

Мир Цифры – мир созидания. Только сотворив нечто новое, заставив жить и развиваться мертвую холодную Цифру, бегущую по безжизненному металлу проводов и контактов, можно приблизить эпоху, о которой писала Поэтесса. Только созиданием, а не уничтожением.

Лабиринт, разворачивающийся на биоорганическом экране, становился сложнее с каждым шагом. Нет, проблема крылась не в неправильном выборе пути. Лабиринт изменялся, он рос и запутывал бредущего внутри человека, он развивался, он оборонялся и нападал. Он жил – вот что он делал!

«Интересно, – подумал машинист, – стоит ли ожидать Минотавра? Или зверь в лабиринте лишь пережиток прошлого? Теперь зверем стал сам лабиринт».

Оторваться невозможно. Это словно начать с чистого листа, словно попытаться осознать... Вот что требовалось для того, чтобы найти правильный путь. И вот что следовало искать – путь, а не выход. Нет никакой нужды выходить отсюда, Мышу нравилось внутри, здесь было безопасно. И увлекательно.

Лабиринт, в который развернулся алгоритм Безликого Призрака, не был похож на привычные пересекающиеся круги или огороженные коридоры подземелья критского монстра. Маловероятно, что кто-нибудь, кроме хозяина «раллера», беззаботно расходующего сейчас емкую батарею, понимал, что происходит на экране. Все поле биоорганической матрицы устилали символы шестнадцатеричной системы счисления, которая использовалась машинами для кодирования программ.

Лабиринт рос и расширялся, подстегиваемый действиями Мыша. Где-то в самой глубине запутанных коридоров нулей и единиц, где-то среди хаоса плавающей технологии Коперфильда-Найденова рождалось нечто. Мышь не видел его, не ощущал, но он знал, был уверен, что оно существует. Об этом говорила Цифра – ожившее порождение самого Мыша, она изменялась, следуя каким-то неведомым приказам, идущим изнутри лабиринта.

Или там все-таки живет Минотавр? Кем бы ни был зверь, превращающий ничто в информацию, в полном соответствии с законами жанра, приближаться к нему опасно. Мышу казалось, он чувствует это всем телом, осязает подушечками пальцев, касающихся внешней оболочки обитатели Минотавра.

За формирующимся строчка за строчкой кодом, пытающимся вскрыть не-вскрываемый путь, тянулась нить Ариадны, отслеживающая все повороты программы. Почти такая же, как та, что Мышь посылал за Безликим Призраком в надежде обнаружить его след. Пока ни сам Минотавр, ни его сторожевые псы, вдруг появляющиеся на поворотах, нить не трогали. Они не замечали ее. Но как долго это продлится?

Мышь в очередной раз уперся в тупик. Дальше хода не было, нужно возвращаться и искать другой путь. Переписывать коды, оценить то, как изменилось уже написанное.

Созданные машинистом коды превращались в нечто совсем невообразимое. Скорее всего, бессмыслица, рожденная Минотавром лабиринта, – лишь начало трансформации.

Можно, закрыв глаза, наугад жать клавиши, набирая на экране абракадабру, не имеющую абсолютно никакого смысла. Но можно, скитаясь по лабиринту, находить закономерности, а в закономерностях – статистическую значимость. И тогда любая бессмыслица обретет значение.

Главная проблема – вопрос времени. Можно разгадать любую загадку и пройти любой лабиринт, если бы время не было ограничено. Большой нужды в Минотавре нет, если сеть запутанных коридоров достаточно сложна. Существа, забредшие в лабиринт, просто подохнут от голода. Нетрудно сравнить статистическую вероятность нахождения верного поворота с вероятностью окончить дни голодной смертью. Если второе значение превышает первое – шансов выйти нет. Просто не хватит времени.

Время Цифры ограничено двумя параметрами: способностями машиниста создать рациональный алгоритм и быстродействием системы.

Система с предложенной задачей явно не справлялась. Справлялся ли Мышь? Трудно сказать – сердце стучало, готовое выпрыгнуть из груди, пальцы онемели от безостановочной работы. Но мозг, отдающий команды программным ассемблерам «раллера» через психопривод «балалайки», пока успевал. И лишь какой-то неприятный вой мешал сосредоточиться.

Только три минуты спустя Мышь наконец понял, что разрядился аккумулятор. Под клавишами светилось нутро верного «раллера», но пока потроха отзывались на команды хозяина, резерв еще был. До Минотавра далеко, но стоит миновать два-три витка программного лабиринта, и взбудренная возросшей статистической вероятностью система Жизнерадостно спалит те два «поплавка», что стояли под черной титапластовой крышкой. Правда, не успеет – при такой нагрузке батарея накроется через пару минут.

Мышь, вздохнув, свернул окно лабиринта, оставив надежду отыскать Минотавра внутри переплетающихся информационных потоков. Да и стоило ли его искать? Ведь именно эту задачу Безликий Призрак хотел подбросить машинистам МагаСофта? Иначе для чего еще могло понадобиться загружать файл с алгоритмом на сервер крупнейшей софтверной корпорации?

Теперь нужно идти заряжать аккумулятор. Мышь выглянул в окно – дождь не утихал, барабаня крупными каплями по треснутому стеклу. Порывистый ветер, сотрясающий весь дом, в котором ютился ломщик, с завыванием бил в окно, продавливая влагу внутрь. Сырость здесь не страшна, электричества в домике все равно нет – ничего не замкнет.

Выходить под дождь не хотелось. Но хотелось узнать тайну Минотавра. Мышь вздохнул и, спрятав «раллер» в черную сумку из непромокаемой синтетики, открыл дверь. В лицо ударил дождь, брошенный ветром, заставив задохнуться на короткое мгновение. А в следующую секунду темное, укутанное свинцовыми тучами небо разорвала ярко-голубая вспышка, высветившая на мгновение всю округу.

Картинка открылась лишь на миг, Мышь не успел ничего рассмотреть. Но тени, острые, словно сколы хрупкого сланца, мерцающими пятнами все еще плясали перед глазами, выжженные на сетчатке слепящим светом молнии. Призрачного зрелища, угасающего с каждой секундой, Мышу хватило, чтобы понять, что сегодня в этот тихий уголок пришли проблемы.

Глава 11

Растрепанная стайка местных неуверенно мялась у дыры, переминаясь с ноги на ногу. Одна женщина – молодая, совсем еще девчонка, и двое мужчин. Мужики, как всегда, замотаны в какого-то неопределенного цвета застиранные юбки, босиком. Лица у всех перепуганные, девчонка, несмотря на душную жару, заметно дрожит.

Окоёмов на их месте тоже задрожал бы. Обгадился бы, совершенно точно, поскольку знал, что ждет этих маленьких тщедушных людишек со вселенской тоской в раскосых глазах, поселившейся там с самого рождения. Черт его знает, что творилось в их головах, понимали ли они, что накликали беду не только на свои головы, но и на тех, с кем делили кров где-то неподалеку в джунглях?

– Откуда они вообще тут взялись? – вызвав общее мнение, спросил шестой, воровато оглядываясь, как будто собирался дать деру, пока никто не видит.

– Вы откуда?! – громогласно, пытаясь перекрыть шум барабаниющей по листве воды, спросил восьмой. Наверное, он надеялся преодолеть языковой барьер громкостью.

Троица залопотала что-то по-бирмански, активно жестикулируя. Только показывали они все в разных направлениях. Окоёмов прислушивался, пытаясь понять хоть что-нибудь, но косоглазые говорили на каком-то совсем уж экзотическом наречии, которого он раньше не слышал. На «балалайку» надежды не было – того словаря, что загружен в чип бойца, хватит разве что сходить за выпивкой. О сети в этих краях не слышали никогда, да и толку от нее было бы немного: бирманский язык не пользовался особой популярностью в мире и найти качественный переводчик для «балалайки» вряд ли получилось бы.

– Где? – спросил тринадцатый.

– Ты его понял, что ли? – с недоверием поинтересовался восьмой.

Тринадцатый помотал головой.

Один из мужчин вдруг просиял и, медленно и глубоко кивнув, показал на северо-запад.

– Далеко?

Нет, этот ответ уже не был столь очевиден – местный снова залопотал, активно помогая себе руками. Собственно, это и не было столь уж важно. Вряд ли они могли уйти слишком далеко от деревни, в которой жили.

– Ну и? – поинтересовался восьмой.

Было не совсем понятно, у кого он спрашивает. Ему никто и не ответил – все, кроме восемнадцатой, стоящей, как всегда, в стороне, отвели взгляд.

– Ты не хуже меня слышал, что сказал Лейтенант, – с явной неприязнью произнес шестой и, обратившись к дрожащей местной девке, быстро и отчетливо выкрикнул: – Пошли, пошли, пошли! Домой!

Для убедительности он несильно, но настойчиво подтолкнул девчонку в сторону, куда показывал один из мужиков.

Каждый из бойцов знал, зачем он здесь. Окоёмов не являлся исключением. Но он точно не задумывался о том, как будет выглядеть то, что должно произойти через несколько минут. Он знал, как это назвать, но не хотел даже про себя произносить это слово. Василий имел боевой опыт, более того, он имел куда больший опыт, чем рассказывал кому бы то ни было здесь, в Мьянме. Но он никогда не участвовал в таком... Хотя, если уж говорить начистоту...

– Какого черта мы должны это делать?

Окоёмов не сразу понял, что это были чьи-то слова, а не его собственные мысли. Рядом шел восьмой. Его черные, почти невидимые в темноте руки нервно теребили ремешок «Патанга», не находя места. Его грызли те же мысли, что и Василия. Но, если уж на то пошло, откуда ему знать, о чем думал восьмой?

– Потому что это наша работа. Ты же знал, зачем мы здесь.

Уверенности в голосе Окоёмова не отмечалось. А может, всему виной дождь, растворяющий звуки в монотонном, обволакивающем джунгли шорохе. Смывающий все, на что попадет. Особенно кровь – она смывается легко, к утру не останется никаких следов, все впитает земля. Это пойдет ей на пользу.

Разве ты в это верил? Или твоя вера совершенно утратила смысл?

Лейтенант, перед тем как исчезнуть в пробитой хмырями норе, отдал приказ. Тихим спокойным голосом. Как будто предлагал перекусить, пока он занят в найденном посреди джунглей подземелье. Ничего особенного – откопали какой-то форпост посреди нетронутого девственного леса, а потом пошли убивать местных жителей, которые, на свою беду, проходили мимо в этот момент. Все как обычно, такое ведь каждый день у Лейтенанта происходит.

Могли ли они отказаться и не выполнить приказ? Окоёмов посмотрел на идущих рядом с ним бойцов. Семнадцать человек, угрюмых, мокрых насквозь, бредут сквозь густые заросли, борясь со все усиливающимся потоком воды, скатывающимся вниз, к подножию этих никому не нужных гор.

Лейтенант сказал, что у норы оставаться никому не следует.

И ты думаешь, он не стал выставлять охранение в этот раз просто так?

Старшим ушедшей на задание группы он назначил пятого – того еще отморозка. Окоёмов не знал, чем занимался этот подонок в прошлой жизни, но совершенно точно – не боевыми действиями. Есть такой тип людей: они находят удовольствие только в одном – в собственном превосходстве над другими.

Откуда Окоёмову могло быть известно, как относятся к выпавшей на их долю участи остальные бойцы? Вон, восемнадцатая, идет чуть справа от группы, будто ведет всех под конвоем. Может, и ведет – прав восьмой, странные у них с Лейтенантом отношения.

– Я сейчас, – бросил восьмой и повернул назад.

– Эй, ты куда? – спросил кто-то из бойцов, кажется, пятый, но негр не ответил, исчезнув за густой листвой.

– Я верну его, – сказал Окоёмов и повернул следом за восьмым.

Собирался ли он на самом деле возвращать восьмого, Василий не знал. Просто представилась возможность уйти.

Спина восьмого мелькала впереди, постоянно ускользая из обзора за широкой мокрой листвой. Окоёмов пытался позвать товарища, но тот не обращал внимания на призывы, продолжая ломиться сквозь лес.

А потом прозвучал выстрел. Сухой треск, словно ветка сломалась или кто-то ударил топором по сухостю. Только в этой волглой ночи не было никакого сухостя. Здесь так звучала смерть.

Какого черта его понесло назад, к дыре, наверное, не смог бы сказать и сам восьмой. Теперь смысла гадать нет – спросить все равно не у кого.

Прогалина, вытоптанная бойцами посреди джунглей, появилась неожиданно. Восьмой, похоже, не собирался являться прямо к финальному акту происходящего у дыры действия с такой помпой. Просто так получилось.

Негр вывалился из зарослей, чуть не уткнувшись лбом в Лейтенанта. Не исключено, что именно это и спасло Окоёмова.

Около дыры, мокрый и неподвижный, похожий на темную брутальную статую, стоял Лейтенант. Невысокая шуплая фигурка его не шевелилась – ноги выпрямлены, словно воткнуты в землю, левая рука опущена вниз, спина прямая настолько, что казалось, сейчас должна затрещать. И только правая рука, в которой он держал «дыродел», немного оттопырена и готова к действию.

От неожиданности восьмой не нашел ничего лучшего, чем включить фонарь, прикрепленный к стволу его «Патанга». Яркий световой конус мгновенно выхватил из небытия тьмы несущиеся к раскисшей земле крупные капли и лицо Лейтенанта. Патологически спокойное, похожее на маску, лицо куклы, а не человека. Здесь не было людей – только восковолицый Лейтенант и три трупа, принадлежавших хмырям, сатанинским треугольником лежащие вокруг главного действующего лица этого зловещего спектакля.

Восьмой не успел ничего сделать. Он даже не остановился, сделал еще два шага, заваливаясь немного влево, туда, куда текла вода. А потом, не выпуская автомата из рук, рухнул лицом в грязь. Фонарь, уткнувшийся в текущую под ногами жижу, бледно-желтым пятном отметил место смерти восьмого.

Лейтенант, не меня напряженной позы, внимательным взглядом мертвых немигающих глаз обвел заросли. Окоёмов замер, стараясь слиться с ландшафтом, в этот момент ему больше всего хотелось стать деревом, раскинуть листья, наслаждаясь льющейся с неба водой, и ни о чем не думать. Но думать приходилось. А еще очень хотелось втянуть ноздрями остро пахнущий нежно-голубой порошок со странным названием «джяду гумра», хотя бы щепотку, хоть сколько, чтобы этот кошмар прекратился, отправив разум в пустоту.

Но вместо пустоты мир снова словно обернули плотным матовым пластиком. Звуки сделались приглушенными, взгляд Окоёмова подернулся пеленой, воздух загустел, липким медом забивая ноздри и мешая дышать. Василий изо всех сил сжал зубы, стараясь не завывать. Если он не удержится, это конец. Странно, но мысль выстрелить первым не возникла. Да и смысла в этом не было – в тот момент Окоёмов уверился, что Лейтенанта обычной пулей не взять. Разве что серебряной, и то – не факт. Да и проверить все равно не получилось бы: серебряных пуль в магазине «Патанга» не было.

Лейтенант подошел к раскинувшемуся крестом в грязи восьмому, наклонился, не спуская бесстрастного взгляда с шевелящихся от дождя листьев, и приложил пальцы к шее, проверяя пульс. Все было кончено, контрольный выстрел не понадобился. Потом Лейтенант вернулся к ящикам, в которых мертвые теперь хмыри хранили свое оборудование.

Сквозь пелену наползающего беспамятства в сознание Окоёмова пробивались странные мысли. Не сводя глаз с Лейтенанта, ищущего что-то в одном из открытых контейнеров, он подумал, что нести неудобные коробки дальше не понадобится. Мозг настойчиво цеплялся за реальность, пытаясь найти что-нибудь позитивное. Жить он, черт возьми, хотел! Но, похоже, плохо понимал – как.

Из контейнера Лейтенант достал, судя по движениям, тяжелый, сантиметров тридцать в диаметре металлический диск. Бросил его в грязь рядом с дырой, что-то поколдовал с немного возвышающейся из воды крышкой, вспыхнувшей на короткое мгновение красноватыми сполохами, и, не оборачиваясь, пошел прочь. К счастью, в противоположную сторону от того места, где ни жив ни мертв затаился Окоёмов.

Если присмотреться, можно было заметить редкие красноватые отсветы у самой земли. Если сильно присматриваться и знать, куда смотреть. Василий знал, что это такое. И что за блин бросил в воду Лейтенант, тоже знал.

Нужно убираться отсюда. Делать ноги, и побыстрее. Блин был противопехотной миной с датчиком движения. Производство «Науком», старая проверенная модель «МП-12бурп», рассыпающая целый ворох смертоносных металлических осколков на площади в добрую сотню квадратных метров. Убьет эта штука только тех, кто успеет подойти к ней поближе, остальным просто перебьет ноги, оставив умирать медленной мучительной смертью. С другой стороны, здесь, в джунглях, быстро найдутся охотники помочь бойцам отправиться в мир иной. Если, конечно, не побоятся запаха оружия.

Неизвестно, как настроил Лейтенант мину – задержка детекции, длительность пребывания мишени в зоне поражения или количество целей. А может быть, параметры были сложнее

– вряд ли он рассчитывал, что на mine подорвется какое-нибудь зверье. Окоёмов рисковал запустить детонацию прямо сейчас только в первом случае, но проверять действия Лейтенанта он не собирался. Он заставил себя оторваться от ствола изогнутого горбом растения, с которым чуть не сросся в течение последних десяти минут.

Если бы не этот туман в голове!

Казалось, что ноги принадлежат кому-то другому. И нынешний хозяин конечностей не очень-то планировал куда-то идти. Окоёмов пытался усилием воли прорвать пелену, все более плотным занавесом отгораживавшую реальный мир от восприятия. Но тому, что сильной когтистой лапой сдавило мозги Василия, было глубоко наплевать и на усилия, и на волю. Оно жило своей жизнью, у него были свои, непонятные Окоёмову цели.

Надо найти остальных, рассказать им о mine. О Лейтенанте. Ведь он их бросил, он убил их, их больше нет. Лес сожрет всех – и узкоглазых вместе с их деревней, и наемников, которые перед этим убьют бирманцев.

Дождь как будто становился сильнее. Молнии вспыхивали по нескольку раз в минуту, освещая путь и наполняя пространство электричеством. Казалось, еще чуть-чуть – и воздух вокруг начнет светиться.

Каждая вспышка отдавалась болезненным уколом в голове Окоёмова. С каждым ударом молнии яркий блеск задерживался в глазах все больше, почти ослепляя, заполняя окружающий мир нездоровой голубизной, вытесняя краски, скрытые полумраком. Может, все дело в электричестве и «джяду гумра» ни при чем? Впрочем, незачем себя утешать – даже если виной всему гроза, раньше электричество не действовало на Окоёмова никак.

То, что он добрался до деревни в темноте, без каких-либо ориентиров, вполне можно считать чудом. Но на этом чуде не заканчивались.

Глухое «бу-бу-бу» больно ударило по барабанным перепонкам. Нечто ярко-желтое, тщетно пытающееся перещегоолять интенсивностью свет молний, цветком открылось прямо перед Окоёмовым. А вслед за этим густая листва, из которой только вышел Окоёмов, разлетелась испуганной воробьиной стайкой, густо обсыпав Василия зеленой трухой.

– Провалиться тебе, четырнадцатый! – заорал боец, который стрелял. В темноте Окоёмов не смог разобрать, кто это был. – Я же тебя чуть не убил.

Никакого испуга, ни малейшего переживания. Простая констатация факта. Если бы боец, выпустивший очередь в появившегося из зарослей Окоёмова, попал – не велика беда, одним трупом больше, одним меньше. Здесь *своих* не было.

Отдышаться не дали. Кто-то сильной рукой выдернул Окоёмова из зарослей, толкнув в сторону ближайшей лачуги. В руках как будто сам собой появился автомат, затвор был пере-дернут, оружие полностью готово к работе. Готово убивать – в этом его предназначение.

Василий бормотал что-то про Лейтенанта, пытался рассказать о mine. Но его никто не слушал. Лица всех, кого он успел здесь увидеть, были перекошены какой-то не то злобой, не то хищным голодным оскалом. Бойцы вошли в раж, им было хреново, им не нравилось убивать слабых беззащитных людей. Но было нужно, и поэтому приходилось убеждать себя, что все правильно, что они на войне и если не ты, то тебя. Похоже, им это удалось.

То, что происходило дальше, Окоёмов запомнил плохо. Вроде бы кто-то постоянно кричал. Выл, монотонно, на одной ноте, так, что сводило зубы. Со всех сторон доносились приглушенные грозой хлопки выстрелов. После очередного хлопка вой затих, но не надолго – тут же ему на смену пришел чей-то визг.

Окоёмов давил указательным пальцем на спусковой крючок «Патанга», который, словно эпилептик, дергался в руках из стороны в сторону. Действия предельно автоматизированы – удар ногой в хлипкую, собранную из веток и какого-то хлама дверь, давление нагретого металла на указательный палец, пляска автомата, визг, грохот грозы снаружи.

Сколько жило людей в этой деревеньке, Василий не смог бы сказать и приблизительно. Скольких из них убил лично он – тоже. Здесь шла война, перестать стрелять можно только тогда, когда упадет последний враг или закончатся патроны.

В какой-то момент внутри «Патанга» стукнуло, и автомат, икнув, захлебнулся. Окоёмов, находясь в полузабытьи, продолжал давить на спусковой крючок, желая только одного – чтобы эта узкоглазая дрянь наконец заткнулась. Голова, казалось, вот-вот взорвется от вопля, звучащего на самом пределе слышимости, заставляя вибрировать кости.

Но звук не исчезал, и девчонка – та самая, что привела бойцов в родную деревню? – не падала, брызги темно-багрового не летели по устеленному подвядшими листьями полу. Окоёмов попытался передернуть затвор вручную, но тот застрял окончательно.

Ну почему она не перестанет визжать?!

Не думая ни о чем, привычным, заученным движением Окоёмов стряхнул с плеча ремень «Патанга», перевернул автомат, перехватив его за цевье, и с размаха опустил приклад на голову миниатюрной черноволосой девушки.

Именно в этот момент боги решили, что Василий Окоёмов натворил в лесной деревне достаточно. Удар ветра сорвал крышу с покосившегося домика, почти непрозрачные от царапин и трещин стекла со звоном полетели на пол. А потом Окоёмов перестал понимать что-либо, получив удар какой-то балкой, свалившейся с потолка прямо ему на макушку.

Последним, что отпечаталось в его помутившемся сознании, была яркая, сжигающая к чертям палочки вместе с колбочками в сетчатке молния. Электрический разряд ударил в дерево метрах в десяти от развалин домика, среди которых лежал Окоёмов. Мимо полыхающего дерева, подпрыгивая, летели ветки и целые кусты, вырванные ураганом с корнем. Тайфун достиг своего апогея.

Глава 12

Каменные ступени медленно разрушались, а местами виднелись глубокие, размытые водой трещины. Трудно сказать, появились они теперь, во времена Пралайи, или были результатом естественного влияния разрушающего все времени.

Абхай Лал вошел под своды колоннады, ведущей в храм Аннамалааяра, – один из немногих, сохранившихся после наступления Пралайи, больших святилищ. Все девять каменных гопурамов⁶ храма по-прежнему устремлялись в небо, лишь слегка затронутые водой и землетрясением. При взгляде на разруху, вольготно устроившуюся прямо под стенами храма, появлялась мысль, что решение оставить Аннамалааяр в неприкосновенности принадлежало лично Шиве.

На плитах потолка, укрепленного массивными железными балками, и на колоннах хорошо заметны отметины прошедшейся два года назад через весь Тируваннамалай волны. Воду принес разбушевавшийся океан, слизавший почти все прибрежные города. Огромная волна прошла в глубь субконтинента и потеряла силу километрах в тридцати западней этих мест.

Генерал прибыл сюда не только для того, чтобы выразить почтение Шиве. И пришел он не один – рядом с высоким, статным безопасником, одетым в военный мундир, неспешно шагал облаченный в белые одежды, щуплый и низкорослый человек, по сравнению с генералом производящий впечатление голодающего. Свами Вишванатхичаран Шарма – один из виднейших брахманов⁷ Шивы. Шарма был Гуру. Абхай Лал пришел в храм Аннамалааяра за советом, который надеялся получить от брахмана.

Генерал шел чуть сзади, он хорошо видел бритый наголо затылок Гуру, на котором, если присмотреться, можно заметить тонкий горизонтальный шрам. «Балалайки» там не было.

Абхай Лал знал, что в свое время Вишванатхичаран Шарма был обычным человеком. Он родился брахманом – никто не мог выбирать себе варну, – но направил стопы по светскому пути. В двадцать с небольшим лет он возглавил один из крупнейших фармацевтических заводов Индии и успешно управлял производством на протяжении полутора десятков лет.

Генерал Лал мог считать, что знает об этом человеке все – возможности главы национальной безопасности позволяли читать досье даже на самых уважаемых брахманов. Но Абхай был мудрым человеком и не считал так – знать все о Гуру невозможно, это вне возможности кшатрия⁸, увязшего в бесконечности сансары.

Причина, по которой еще молодой Вишванатхичаран Шарма оставил высокий пост и пришел в храм Минакши, оставалась для генерала загадкой. Только глупцы пытаются разгадать подобные ребусы, которые не требуют решения.

Перед тем как начать путь к мокше⁹, Вишванатхичаран Шарма избавился от «балалайки». Хирургическим путем – «гнездо» удалили в одной из клиник Ченная. Лал однажды спросил у Гуру – зачем. Но ответа не получил: каждый сам решает, что ему нужно для достижения мокши.

Именно в храме Минакши Свами Вишванатхичаран Шарма нашел путь из круга сансары и стал Гуру. От храма Минакши ныне не осталось ничего, и даже место, где он располагался,

⁶ Гопурам – надвратная башня в храмовой ограде индуистских храмов.

⁷ Брахман – прежде всего сословие духовенства, основное призвание – быть духовными наставниками. Кроме того, брахманами являются ученые, учителя, многие чиновники.

⁸ Кшатрии – варна воинов и помещиков-землевладельцев. По иерархической лестнице следуют за брахманами.

⁹ Мокша – цель любого индуса. Освобождение из круговорота рождений и смертей и всех страданий и ограничений материального существования.

покоится на дне океана. Однако Гуру Шарма милостью Шивы остался жив, чтобы продолжать дело своей Традиции. В день, когда в мир пришла начавшаяся не ко времени Пралайа, Вишванатхичаран Шарма был в Дели.

– Я бы хотел, чтобы вы прочли вот это, Свами, – сказал Абхай Лал, протягивая брахману планшет коммуникатора.

– Подожди.

Гуру подошел к небольшому металлическому коробу, над которым плясал воздух, разогретый шраута-агни¹⁰. Он зачерпнул ладонью горсть риса из миски, стоящей рядом с огнем, и, не глядя, высыпал зерна в ахаванию. Послышался треск пожираемого огнем злака – боги принимали жертву брахмана.

Шарма бросил на генерала короткий взгляд – Лалу не нужно объяснять, чего от него ждали. Абхай подошел ближе и повторил действия Гуру.

– Что ты хотел узнать? – спросил Шарма после того, как счел, что время для разговора пришло.

– У меня появились новые сведения, – начал генерал, но брахман прервал его:

– Чем могут быть полезны мне сведения из твоего ведомства, кшатрий?

Абхай Лал снова взял в руки коммуникатор, включил его и передал Гуру.

– Мне очень нужен ваш совет, – сказал он, почтительно склонив голову. – Не в моей власти знать, что может быть интересно брахману.

Губы Шармы тронула легкая улыбка – Лал дал правильный ответ. Он принял из рук генерала коммуникатор и углубился в чтение. Все это время безопасник сидел тихо, не сводя глаз с огня шраута-агни.

– Эта вещь настолько хороша, как написано в твоём документе?

– Я могу судить лишь по собственному опыту.

– У тебя есть опыт применения этой... этого порошка? – удивился Шарма.

– Да, Гуру.

Брахман едва заметно усмехнулся.

– Наши предки на протяжении тысячелетий применяли *сому*¹¹. Иногда она позволяет услышать советы богов, иногда – нет. Я не знаю всех формул, которые делают *сому* тем, что она есть. Ни я, ни кто-нибудь другой никогда не исследовали напиток дэвов¹² в биохимической лаборатории. Рецепт *сомы* написан в Ведах.

Значил ли короткий рассказ, что Гуру отрицает мистические свойства «джьяду гумра», или разговор еще не окончен? Генерал ничего не понимал в формулах, которыми изобилывал отчет химиков. Но Вишванатхичаран Шарма прежде работал в фармацевтической промышленности, для него эти рисунки были делом не менее привычным, чем Веда.

– О чем говорит твой опыт, Абхай?

Лал задумался. Трудно описать словами то, что давал «джьяду гумра». Еще трудней показать.

– Мне трудно судить, Гуру. Это было похоже на единение с Брахманом, словно становишься единым с Абсолютом. Но не навсегда, как это должно быть, когда достигнешь мокши. Это было похоже на подключение к сети, когда можешь выбрать следующее действие, путь или запустить программу. «Джьяду гумра» словно бы делает возможным выбрать любую существующую ипостась Брахмана, отменяя все то, что было лишним в карме, все то, что мешало. Это вещество дарует блаженство.

¹⁰ Шраута-агни – один из видов огня для жертвоприношения в индуизме.

¹¹ Сома – важный ритуальный напиток в ведической культуре. Рецепт сомы описан в Ведах.

¹² Дэвы – божественные существа, ангелы или божества в индуизме.

– Любой наркотик дарует блаженство, – без тени улыбки сказал Шарма. – На то он и наркотик. Но вот этот раздел, признаться, меня несколько обескураживает.

Брахман показал Лалу, какую часть отчета он имел в виду. Там подробно описывались все эффекты, которые оказывал «джяду гумра» на биохимию и биологию человеческого мозга. Как и большую часть всего отчета, в этом разделе генерал мало что понял. Но ему вполне хватало имеющихся знаний, чтобы уяснить – «волшебный порошок» действует совершенно иначе, чем все остальные, известные на сегодняшний день наркотики. Исключение составлял только синдин, механизм действия которого так до конца и не удалось разгадать.

– Именно поэтому я и пришел к вам. Мне кажется, это полностью соответствует тому, что написано в Ведах. Но мои скромные познания священных книг не позволяют...

– Позволяют, раз ты сообразил обратиться ко мне. Не нужно лишних слов.

Лал покорно кивнул.

– Этот «джяду гумра» работает, как динамический стимулятор мозговой активности? Подобно синдину? Как это теперь называют?..

– «Динамит», – подсказал брахману Лал. – Нет. Ни медики, ни машинисты не отметили никаких свойств «динамита» у этого порошка.

– Хм. Странно.

Шарма, не выпуская из рук коммуникатор, задумался. Его взгляд застыл на тексте, отображающемся на экране, но он не видел букв. Гуру смотрел глубже, он пытался постичь суть, которой никогда не было среди знаков, придуманных людьми. Будь то буквы или иероглифы. Или нули с единицами, которые так любили нейкисты.

– Я подумал, что мы смогли бы влиять на Верхний мир, если бы... – не выдержав долгого молчания брахмана, начал Абхай Лал. Но Гуру, начавший говорить, не меняя позы и даже не подняв глаз, перебил его:

– Адепты каждой Традиции страстно желают увидеть своих богов воочию. Они не понимают, что их желание противоречит самому понятию бога – явление бога в Срединный мир есть нисхождение, превращение его в нечто, способное существовать здесь, в нашем мире. Китайцы в свое время затеяли возню с лунной программой именно по этой причине. Но им было не суждено, их кто-то опередил.

– Чудовище?

– Скорее всего. Но у поднебесников все равно ничего бы не получилось – боги перестают быть богами в Срединном мире, это не их среда. Так же, как для людей закрыты Верхний и Нижний миры. При *переходе* получается Чудовище – инородное в инородном, то, что не может существовать, но существует.

– Китайцы считают, что внеочередную Пралайю устроило именно оно.

Шарма оторвался от лицезрения экрана коммуникатора и обратил взор на генерала. Если бы он не был Гуру, то, похоже, выразил бы недовольство.

– Не было никакой Пралайи, – сказал брахман. – Не называй случившийся два года назад катаклизм так, это неправильно. То, что произошло, слишком мелко для Пралайи. Варвары, ведущие свои священные знания со времен, когда наши предки уже не одну тысячу лет читали Веды, могут думать, что эта... встряска есть обновление мира.

– Но новые миры...

– Ты же знаешь, что нет никаких новых миров. Это все – часть нашего мира, часть проекции мыслей Вишну. Нет ни Верхнего, ни Срединного мира. Ни этих восьми миров, о которых рассказывает Кауфман. Он предлагает фикцию – если напечатать новые деньги и заменить ими имеющиеся, экономика не перестанет основываться на товарно-денежных отношениях. Даже переход к электронным деньгам ничего не изменит. Только Шива способен вернуть Брахману его истинную суть, уничтожив все проекции и само время. Но это случится не скоро – пока

еще не закончилась даже Кали-Юга. Никакой наркотик никогда не даст людям возможность изменять мир.

– Значит, я ошибался, полагая, что «джяду гумра» может иметь отношение к тому, что написано в Ведах, – заключил Абхай Лал.

– Ты ошибаешься, когда принимаешь скоропалительные решения. Я говорил только о невозможности влиять на замысел Вишну или волю Шивы. Но я ничего не сказал о том, чтобы попытаться узнать, что происходит в иных пластах реальности.

– Похоже, я неправильно выразился.

Шарма кивнул.

– В Ведах ничего не написано про «джяду гумра» или что-то похожее на него. Но никто не утверждает, что священные писания не могут быть дописаны. Писания пишут люди.

Значит, дело перспективное. Поисковая команда уже укомплектована и ждет начала операции на военной базе у восточной границы.

– Химикам удалось повторить состав порошка?

– Удалось повторить компоненты, но не свойства. Полученная смесь обладает легким наркотическим эффектом, и это все.

– Я так и думал. Если ты хочешь, чтобы я дал ответ на твой вопрос, принеси мне то, из чего делают «джяду гумра». И попытайся узнать, откуда эта вещь появилась здесь.

– Именно об этом я и думал, – сообщил Абхай.

– Ты всегда был хорошим учеником. Продолжай следовать своей карме, и все, что должно произойти, произойдет.

Глава 13

Шанкар Десай нервничал. Это мог бы заметить кто угодно, если бы обратил внимание на грязного, невзрачного, примостившегося в самом углу жесткого пластикового сиденья молодого человека. Сиденье было рассчитано дизайнерами на четырех пассажиров. Сейчас на истертом и оборванном диванчике уместилась по меньшей мере дюжина человек, нагруженных мешками, кошелками, корзинами и прочими видами сумок.

Шанкар сел на конечной станции, названия которой не знал – он просто не смотрел на надписи на вокзале, – поэтому успел занять место первым. Трудно сказать, хорошо это или плохо. С одной стороны, те, кто вошел в вагон последними, теперь теснились в проходах. Некоторым из них удалось пристроить свои вещи на пол и сесть сверху. Другие стояли в плотной толпе.

Можно решить, что вагон резиновый, из-за количества людей, каким-то чудом разместившихся в нем и на нем – по меньшей мере треть пассажиров устроилась на крыше. Вряд ли инженеры, проектировавшие это средство передвижения чуть ли не век назад, могли предположить, что в их детище удастся запихнуть такое количество пассажиров. Хотя если это были индийские инженеры, то наверняка могли.

Большой цветастый платок тончайшего шелка, свернутый в тугую жгут, с расплывшимся жирным пятном в одном из углов, легко скользил между давно не мытыми пальцами. Пальцы Шанкара жили собственной жизнью. Умение, что крылось в этих руках, могло бы испугать многих из тех, кто сейчас душной потной толпой наседали на их обладателя. Но блаженство незнания часто помогает выжить в критической ситуации. А путешествие в поезде, следующем с самого востока Индии в западнобенгальский Силигури, вполне можно было считать событием критическим.

Владелец шелкового платка был молод. На вид лет двадцати пяти – двадцати семи, но на самом деле Шанкару двадцать три. Изможденное тело и мрачное, можно сказать, мертвенное выражение лица прибавляли возраст.

Платок не был предметом одежды или украшением. Это оружие, жертвенный инструмент. Шанкар был тхагом¹³, и в руках он теребил румаль¹⁴: особое орудие верного адепта темной Шакти Шивы Кали, с помощью которого бхутот¹⁵ душил тех, чье время соединиться с Абсолютным Разумом уже подошло.

Шанкар Десай, несмотря на юный возраст, уже стал бхутотом. Он получил право совершать жертвоприношение богине благодаря своим особенным рукам – никто, даже старый бхутот Вриндал, не умел так виртуозно обращаться с этим оружием. И однажды он доказал преданность Кали. Только вот теперь...

Поезд вез Шанкара на запад. На карте, нарисованной от руки прямо на стене вагона, можно прочитать название конечной станции. Но сейчас сделать это было бы невозможно – вряд ли удалось бы протиснуться к карте маршрута, а если бы и удалось, делать этого не стоило: обратно на диван не пустят. Да и какое имело значение название станции? Теперь чем дальше – тем лучше.

¹³ Тхаг – в переводе с хинди означает «разбойник». В данном случае – член секты душителей, почитателей богини Кали.

¹⁴ Румаль – шелковый платок, свернутый особым образом в плотный жгут, которым *бхутот* душил свою жертву.

¹⁵ Бхутот – член общины *тхагов*, имеющий право совершать обряд во имя богини Кали, то есть душить людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.